

СОБЛАЗНИТЬ. ЗАВОЕВАТЬ. НАДЕТЬ КОРОНУ.

18+

ЗВЁЗДНАЯ
ПЫЛЬ
В ИХ
ВЕНАХ

ЛОРА СЕБАСТЬЯН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ПРИНЦЕССА ПЕПЛА»

Лора Себастьян

Звёздная пыль в их венах

Серия «Young Adult. Дочери звёзд»

Серия «Замки на их костях», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69945694

Л. Себастьян. Звёздная пыль в их венах: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2024

ISBN 978-5-04-194981-5

Аннотация

Софронию, Дафну и Беатрис с самого рождения готовили лишь для одной цели: уничтожить государства. Их мать, императрица Маргаро, намерена править целым континентом. А дочери – оружие в ее руках. Еще до их рождения Маргаро решила использовать девушек как приманку и выдать замуж за принцев других королевств.

Но даже императрице не подвластны заветы звезд. Принцессы избрали свой собственный путь, полностью нарушив планы матери. Софрония предпочла любовь и поплатилась за это жизнью.

Дафна и Беатрис полны решимости отомстить за смерть сестры.

Пока звезды предупреждают их об опасности, девушки осознают, что в их венах течет особая магия. Сестры должны совладать со своим волшебством как можно скорее. Иначе Маргаро сделает все ради желанной цели. Даже если это означает – убить собственных дочерей.

Содержание

Беатрис	8
Дафна	21
Виоли	35
Беатрис	50
Дафна	57
Беатрис	65
Виоли	73
Дафна	80
Беатрис	92
Виоли	99
Беатрис	106
Дафна	115
Виоли	132
Беатрис	140
Дафна	155
Виоли	167
Беатрис	177
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Лора Себастьян

Звёздная пыль в их венах

Laura Sebastian

Stardust in Their Veins

© 2023 by Laura Sebastian. Published by arrangement with Folio Literary Management, LLC.

© Ускова К., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2024

* * *

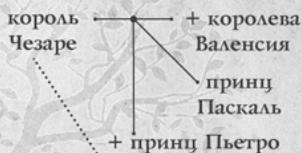
Посвящается всем девушкам с непростой судьбой

КОРОЛЕВСКИЕ СЕМЬИ ВЕСТЕРИИ

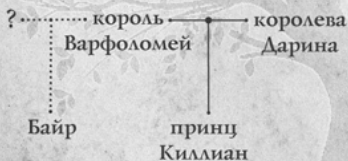
Бессемия Дом Солунэ

Селлария Дом Ноктелли

Фрив Дом Дисан

Темарин Дом Баярд

*+ скончался

ЗАМКИ НА ИХ КОСЛЯХ

Беатрис

Беатрис меряет шагами маленькую келью, расположенную в затеряншемся среди Ольховых гор селларианском Сестринстве. От стены до стены – всего десять шагов. Прошло пять дней с тех пор, как ее привезли сюда и заперли в этой полупустой комнате с узкой кроватью, потертым одеялом и маленьким деревянным табуретом с кувшином воды на нем. Прошло пять дней с тех пор, как она слышала в своей голове голоса сестер так ясно, словно они стояли в комнате рядом с ней. Пять дней с тех пор, как она услышала о смерти Софронии.

Нет, она не может знать наверняка. Беатрис находила дюжины оправданий случившемуся, дюжины причин, чтобы поверить, что ее сестра все еще где-то там, жива и невредима. Всякий раз, когда Беатрис закрывала глаза, она видела Софронию. Слышала в тишине комнаты ее звонкий смех. Всякий раз, когда ей удавалось несколько часов поспать, ее начинали преследовать кошмары – в них она слышала слова, которые последними слетели с уст ее сестры:

Они приветствуют мою казнь... Все намного сложнее, чем мы предполагали. Я до сих пор не все понимаю, но, пожалуйста, будьте осторожны. Я так сильно люблю вас обеих. Я люблю вас до самых звезд. И я...

И больше ничего.

Беатрис не понимает, что за волшебство помогло им услышать друг друга, но все это случилось благодаря Дафне, которая однажды уже провернула подобное, чтобы поговорить с Беатрис один на один. Тогда их разговор тоже оказался прерван, но в тот раз все было по-другому. Словно после того, как Софрония замолчала, Беатрис еще несколько секунд могла ощущать присутствие Дафны. Ее ошеломленное молчание эхом отдавалось в голове девушки, а затем и их связь прервалась.

Но Софрония не могла быть мертва. Эта мысль непостижима. Они пришли в этот мир вместе – Беатрис, Дафна и Софрония – и просто не могли покинуть его по отдельности.

Однако, сколько бы раз Беатрис этим ни утешалась, в глубине души она сама себе не верит. Ведь тогда ей показалось, словно у нее из груди вырвали сердце. Она почувствовала, что потеряла что-то жизненно важное.

По келье разносится эхо от скрежета открываемого замка, и она поворачивается к двери, решив, что кто-то из сестер снова принес ей еду. Однако гостя прибыла с пустыми руками.

– Мать Эллария, – говорит Беатрис. В последние дни она так мало разговаривала, что начала хрипеть.

Мать Эллария – это сестра, которая встретила Беатрис по прибытии и отвела ее в келью. В тот день она дала ей сменную одежду – точно такую же, как у самой женщины. Из всей этой одежды Беатрис надела только серое шерстяное платье.

Ее платок все еще лежал на кровати.

В Бессемии для сестер было большой честью надеть свои платки. Для этого организовывались церемонии – Беатрис и сама присутствовала на нескольких. Это было празднество в честь женщины, сделавшей серьезный выбор и решившей посвятить свою жизнь звездам.

Но Беатрис ничего не выбирала, поэтому оставила своей платок на кровати.

Мать Эллария, очевидно, замечает это, потому что переводит взгляд со спутавшихся рыжевато-каштановых волос Беатрис прямо на него. Нахмурившись, она вновь смотрит на Беатрис.

– У тебя посетитель, – говорит она, не скрывая неодобрения.

– Кто? – спрашивает Беатрис.

Но мать Эллария, так и не ответив, разворачивается и молча выходит из комнаты. У Беатрис не остается другого выбора, кроме как следовать за ней по темному коридору, давая волю своему воображению.

На мгновение Беатрис в голову приходит мысль, что это Софрония. Что ее сестра приехала из Темарина и сейчас предстанет перед ней живой и здоровой. Но гораздо вероятнее, что это вновь пришла позлорадствовать ее бывшая подруга Жизелла. Или брат-близнец Жизеллы, Нико, пришел проверить, не передумала ли Беатрис насчет его предложения после того, как провела несколько дней в Сестринстве.

Если это так, то он уйдет разочарованным. Хоть Беатрис и ненавистно это место, она скорее останется здесь, чем вернется во дворец Селларии, пока Паскаль доживает остаток своей жизни в Братстве на другом берегу реки Азина.

Ее сердце сжимается при мысли о Паскале, лишенном наследства и заключенном в тюрьму лишь из-за того, что она убедила его доверять не тем людям.

Это не последняя наша с ними встреча, – сказал Паскаль после того, как им вынесли приговор за государственную измену. *– И достаточно скоро они пожалеют, что не убили нас, когда у них был шанс.*

Она позволяет этим словам эхом отдаваться в ее голове, пока следует за матерью Элларией по тускло освещенному коридору, прокручивая в голове все способы, которыми она могла бы одолеть хрупкую пожилую женщину и сбежать... но куда сбежать? Ольховые горы коварны даже по отношению к тем, кто к ним готов. Если Беатрис решит бежать одна, одетая лишь в платье и хлопчатобумажные тапочки, у нее нет ни единого шанса пережить эту ночь.

Ее мать всегда призывала девушку к терпению, и хотя выдержка никогда не была сильной стороной Беатрис, она понимала, что сейчас это необходимо. Поэтому, держа руки по швам, она продолжает идти за матерью Элларией. Та поворачивает за угол, затем еще раз и наконец останавливается у высокой деревянной двери и устремляет на Беатрис такой пронзительный взгляд, словно почуяла запах чего-то гнило-

го. Беатрис знает, что женщина ее недолюбливает, но все же ей показалось, что на этот раз дело было в чем-то еще.

– Из-за... статуса твоего гостя я разрешила использовать для вашей встречи мой кабинет, но я вернусь через десять минут и ни секундой больше.

Беатрис кивает, еще более уверившись в том, что за дверью ее ждут Жизелла или Николо. Николо, в конце концов, теперь король Селларии, и статус Жизеллы, как его сестры, тоже повысился. Хотя это не мешает матери Элларии испытывать к ним столь же сильное неодобрение, какое она испытывает по отношению к Беатрис.

Игнорируя эти мысли, Беатрис берет себя в руки и, толкнув дверь, заходит внутрь. Но почти сразу замирает как вкопанная и начинает моргать, будто стоящая перед ней фигура может вот-вот исчезнуть.

Но сколько бы раз она ни моргнула, Найджелус остается на месте. Эмпирей ее матери устроился в кресле Элларии, как у себя дома, и пока Беатрис заходила в кабинет, наблюдал за девушкой поверх сложенных домиком пальцев. В ее собственной келье окон нет, и вскоре после прибытия Беатрис потеряла счет времени. Но теперь она смогла видеть, что на улице ночь – полная луна светит в окно позади Найджелуса, а звезды горят ярче обычного.

За эти пять дней она видит их впервые и наконец может почувствовать на своей коже легкий танец света. От этого у Беатрис начинает кружиться голова, и она сжимает руки

в кулаки. Она понимает, что в ней просыпается магия, но все еще не может до конца в это поверить, хотя уже дважды ненароком использовала свою силу и снимала с неба звезды.

Найджелус замечает, как побелели костяшки ее рук, но ничего не говорит. Дверь за Беатрис закрывается, оставляя их наедине. Какое-то мгновение они просто смотрят друг на друга и молчат.

– Софрония мертва, так ведь? – спрашивает Беатрис, первой нарушив молчание.

Найджелус отвечает не сразу, но спустя, казалось бы, целую вечность он кивает:

– Королева Софрония была казнена пять дней назад, – говорит он ровным голосом, лишенным каких-либо эмоций. – Вместе с большей частью темаринской знати. Армия твоей матери уже ждала на границе, и когда в Темарине воцарился хаос, они захватили столицу. У страны даже не было правителя, который мог бы сдать, так что императрица просто объявила эту землю своей.

Беатрис опускается в кресло напротив письменного стола. В этот момент жизнь словно покидает ее. Софрония мертва. Она должна была быть готова, должна была ожидать этого. Разве их мать не говорила им, что никогда нельзя задавать вопрос, на который заранее не знаешь ответа? Но то, что ее самый большой страх подтвердился, опустошает. Беатрис – пустая оболочка прежней себя.

– Софи мертва, – снова повторяет она, забыв обо всем

остальном. Забыв о матери, ее армии, о новой короне, которую она добавила в свою коллекцию.

– То, что вы с Дафной еще живы, – чистая случайность, – говорит Найджелус, вырывая ее из раздумий.

Она смотрит на него снизу вверх, гадая, сможет ли он защититься, если она бросится через стол и ударит его. Однако прежде, чем она успевает это сделать, он продолжает:

– Это не совпадение, Беатрис, – говорит он. – Восстания, заговоры, мертвые короли. Хаос.

– Конечно нет, – говорит Беатрис, вздергивая подбородок. – Мать вырастила нас, чтобы сеять хаос, строить заговоры, разжигать огонь восстания.

– Она вырастила вас, чтобы погубить, – поправляет Найджелус.

У Беатрис перехватывает дыхание, но через мгновение она кивает:

– Да, похоже, что так, – говорит она, потому что его слова и правда имеют смысл. – Она, должно быть, ужасно разочарована тем, что ее план сработал только в одном случае из трех.

– Твоя мать ведет долгую игру, – говорит Найджелус, качая головой. – Она ждала семнадцать лет. Она может подождать еще немного.

Беатрис сглатывает.

– Зачем ты мне это рассказываешь? Чтобы подразнить меня? Я заперта в этом ужасном месте. Разве этого недостаточ-

но?

Найджелус тщательно обдумывает свои следующие слова.

– Ты знаешь, как я сумел прожить так долго, Беатрис? – спрашивает он, но не дает ей времени на ответ: – Я не недооцениваю людей. Никогда. И ты не будешь исключением.

Беатрис смеется.

– Может, я и не умерла, но могу тебя заверить, что моя мать взяла верх. Я повержена.

Даже произнося эти слова вслух, Беатрис в них не верит. Она пообещала Паскалю, что они найдут выход из этого положения, и она знала, что так оно и будет. Но гораздо лучше, чтобы Найджелус и, следовательно, императрица считали ее безнадежно сломленной.

Найджелус улыбается и качает головой:

– Ты не повержена, Беатрис. Я думаю, мы оба это знаем. Ты ждешь подходящего момента, чтобы нанести удар.

Беатрис поджимает губы, но ничего не отрицает.

Он продолжает:

– Я бы хотел тебе помочь.

Беатрис на мгновение задумывается над его словами. Она не доверяет ему, и он никогда ей не нравился. Какая-то ее часть в его присутствии все еще ощущает себя ребенком, маленьким и испуганным. Но она заперта в глубокой яме, а он предлагает ей веревку. И она ничего не потеряет, ухватившись за нее.

– Почему? – спрашивает она его.

Найджелус перегибается через стол, опираясь на локти.

– Знаешь, у нас одинаковые глаза, – говорит он. – Уверен, ты знаешь, что в Бессемии ходят слухи, будто бы на самом деле мать родила вас с сестрами от меня.

Если такие слухи и были, то они никогда не доходили до ушей Беатрис. Но он прав – его глаза были такими же, как у нее, Дафны и Софронии: чистое, дистиллированное серебро. Глаза детей, которых коснулись звезды. Детей, которые появились на свет, потому что их родители загадали желание с помощью звездной пыли. Или, куда реже, потому что ради их рождения эмпирей загадал желание, сняв с неба звезду. Когда Беатрис отправили в Селларию, мать дала ей капли, скрывающие цвет ее глаз. Глаз, из-за которых ее сразу бы нарекли еретичкой в стране, где звездная магия считается богохульством. Когда ее отправили в Сестринство, ей не разрешили взять с собой вообще никаких вещей, даже те капли, поэтому ее глаза вернулись к своему естественному серебристому цвету. Но очевидно, что после того, как она использовала магию, чтобы вызволить человека из тюрьмы, серебристые глаза – наименьшая из ее проблем.

Словно прочитав ее мысли, Найджелус кивает.

– Нас коснулись звезды, тебя и меня. В какой-то мере мы оба созданы звездами. Твоя мать загадала желание, чтобы ты и твои сестры родились, и я снял с неба звезды, чтобы ее желание сбылось. Я полагаю, что и моя мать использовала звездную пыль, чтобы я появился на свет, но она умерла

прежде, чем я смог ее об этом спросить.

Твоя мать загадала желание, чтобы ты и твои сестры родились. Конечно, Беатрис слышала об этом. Люди часто исполняли свои желания с помощью звездной пыли. Но желания, которые эмпиреи загадывали на звездах, снимая их с неба, создавали магию столь сильную, что могли случаться чудеса. Чудеса, подобные тому, что ее мать забеременела тройней, хотя ее отец, как известно, в свои восемьдесят лет никогда прежде не имел детей, даже незаконных, даже с помощью немалого количества звездной пыли. Но даже несмотря на то, что эмпиреи, люди, которые могут загадать желание на звезду в небе, встречаются редко – и звезды сами по себе являются ограниченным ресурсом, – Беатрис не удивилась, узнав, что ее мать перешла эту черту. Во всяком случае, на фоне всего остального, что она совершила, это – сущий пустяк.

– И, – продолжает Найджелус, пристально наблюдая за ней, – коснувшись кого-то, звезды могут наделить его даром.

Беатрис заставляет себя сохранить бесстрастное лицо, но в голове у нее роятся мысли. Уже дважды она загадывала желание у звезды, и оба раза желания сбылись, оставив в напоминание о себе звездную пыль. Лишь один из десяти тысяч человек может с помощью магии снимать с неба звезды, и Беатрис никогда не думала, что станет одной из них. А теперь она была в этом уверена. Но они находились в Селларии, где магия считалась преступлением, наказуемым смер-

тью, и Найджелус сам признался, что мать хочет ее смерти. Она не собирается помогать ему себя потопить.

– Если бы каждый ребенок с серебряными глазами был эмпиреем, мир стал бы безумным местом, – говорит она через мгновение.

– Не каждый ребенок с серебряными глазами, – говорит он, качая головой. – Не каждый ребенок, которого коснулись звезды, – у большинства талант дремлет, как у твоих сестер, и никогда не пробуждается. Но у тебя все иначе.

Когда выражение лица Беатрис не меняется, он приподнимает брови.

– Ты знаешь, – спрашивает он, откидываясь на спинку стула и оценивающе глядя на нее. – Сколько раз ты это сделала?

– Дважды, – призналась она. – Оба раза случайно.

– Так всегда поначалу, – говорит он. – Магия накатывает волнами, и зачастую это связано с сильными эмоциями.

Беатрис вспоминает, как впервые обратилась к звездам. В тот миг тоска по дому одолевала ее так сильно, что казалась ей невыносимой. И во второй раз, в миг, когда больше всего на свете она желала, чтобы Николо поцеловал ее. Как бы ни было больно это признавать сейчас, в свете его предательства, она понимает, что тогда ее тоже переполняли эмоции. Какой же она была дурой.

– Не имеет значения, какими талантами я обладаю или не обладаю, – говорит она, поднимаясь на ноги. – Они подозревают о моих способностях и поэтому ночи напролет держат

меня в комнате без окон. Если только у тебя нет способа вытащить меня из этого места...

– Способ есть, – перебивает он, наклоня голову в ее сторону. – Если ты согласишься на мое предложение, завтра же вечером мы покинем это место. Ты можешь вернуться в Бессемию всего через пару дней.

Беатрис наклоняет голову и в течение пары мгновений задумчиво смотрит на него, взвешивая это предложение. Не то чтобы оно было недостаточно хорошим, но она подозревает, что может получить больше.

– Нет.

Найджелус фыркает.

– Ты даже не знаешь, чего я хочу, – говорит он.

– Это не имеет значения. Я не хочу сбегать отсюда одна.

Если ты хочешь вытащить меня, то тебе нужно вытащить и Паскаля.

Беатрис не знает, видела ли она когда-нибудь Найджелуса удивленным, но ее слова определенно его ошаршили.

– Селларианского принца? – спрашивает он, нахмурившись.

– Моего мужа, – говорит она, потому что, хотя брак так и не был скреплен – и никогда не будет, – они дали друг другу клятвы, как на свадьбе, так и после нее. И эти клятвы Беатрис намерена сдерживать.

– Его удерживают в Братстве на другом берегу реки Азина, так же как меня удерживают здесь. По тем же самым

сфабрикованным обвинениям в государственной измене.

Найджелус бросает на нее понимающий взгляд.

– Насколько я слышал, обвинения были обоснованными.

Беатрис сжимает челюсти, но ничего не отрицает. Они замыслили свергнуть безумного отца Паскаля, это было правдой. Обвинение в измене можно было счесть весьма скромным, ведь, помимо прочего, они принимали участие в победе из тюрьмы другого предателя короны, а Беатрис к тому же была виновна в нарушении религиозных законов Селларии, потому что использовала магию.

– Это неважно. Если ты сможешь вытащить нас обоих, то, может быть, мы сможем обсудить твои условия.

Мгновение Найджелус молчит, а затем кивает.

– Хорошо. Я доставлю тебя и твоего принца в безопасное место, далеко от Селларии.

Она смотрит на Найджелуса, пытаясь разгадать ход его мыслей, но это кажется невозможным. Найджелуса не раскусить, и она была бы душой, если бы не понимала, что он уже на два шага впереди нее в игре, правил которой она даже не знает. Он с ней не заодно, они преследуют разные цели.

Она не должна ему доверять. Но выбора нет.

– По рукам.

Дафна

Завтра Дафна выходит замуж, и есть примерно тысяча вещей, о которых ей нужно позаботиться. Свадьба и так уже была отложена, чтобы дать ей возможность поправиться после того, как в нее стреляли в лесу недалеко от дворца. Но теперь ее рана прошла – с небольшой помощью эмпирея, Аурелии, и звездной магии. Теперь всем не терпится увидеть, как они с Байром поженятся. И, пожалуй, больше всего не терпится самой Дафне.

Она написала своей матери сразу же, как только вернулась во дворец, рассказав ей об откровениях Байра и Аурелии, но все же умолчала о моментах, которые она, Беатрис и Софрония провели в мыслях друг друга. Как и о мучительном подозрении, что Софрония мертва. Она словно почувствовала это на себе. Она понимает, что это глупо, но ей кажется, что пока она не облекает мысли в слова, они не становятся реальными.

Сейчас нужно доработать схему рассадки гостей и провести последнюю примерку платья. К тому же во дворце полно гостей со всего Фрива, с которыми Дафне нужно пообщаться. У нее совсем нет времени думать о своей, возможно, умершей сестре.

О, Софрония постоянно проникает в ее мысли. То цветочница предложит добавить в ее букет маргаритки – любимые

цветы Софронии; то один из горных лордов расскажет ей такую историю о привидениях, которая наверняка бы привела Софронию в ужас; то горничная достанет для Дафны из ее шкатулки изящное опаловое ожерелье, которое подарила Софрония на их пятнадцатилетие. По меньшей мере дюжину раз в день Дафна ловит себя на том, что мысленно составляет письмо своей сестре, но каждый раз кровь леденит воспоминание об их последнем разговоре.

Она не может знать наверняка, что Софрония мертва. Вот что сказал ей Байр, когда связь с ее сестрами оборвалась и она снова оказалась в доме Аурелии вместе с ним. Он так старался успокоить ее, что она притворилась, будто ему удалось. Но когда она встретилась взглядом с Аурелией, стало очевидно, что женщина все прекрасно поняла.

Пролилась кровь звезд и величия. Софрония, которую коснулись звезды и в жилах которой текла кровь императоров, была мертва, как и было предсказано.

Но Дафна не может думать об этом сейчас. Как и о том факте, что на нее трижды совершалось покушение. Она не может думать о Байре, у которого полно собственных секретов и который теперь знает несколько ее тайн, но все равно остается с ней. Она не может думать о Беатрис, по уши увязшей в собственных проблемах в Селларии. Стоит ей подумать о чем-либо из этого, и она рискует разрыдаться, поэтому вместо этого она должна сосредоточиться на том, что ей подконтрольно, – на завтрашнем дне. Дне, когда она наконец

достигнет того, ради чего ее растили, и выйдет замуж за наследного принца Фрива.

– Я никогда не видела невесту такой взволнованной, – говорит ей Клиона.

Девушка практически вынудила Дафну пойти на прогулку по заснеженным садам Элдевальского дворца – Дафна предпочла бы остаться внутри, обдумывая каждую деталь завтрашнего дня и с тревогой ожидая каких-либо известий из Темарина, Селларии или Бессемии. Это странно – знать, что ее сестра мертва, но все еще не иметь возможности ее оплакать.

– Нет? – спрашивает Дафна, глядя на девушку и приподняв брови. – Мне кажется, я еще не встречала невест, которые бы не были взволнованы.

Она не может удержаться, чтобы не оглянуться через плечо туда, где стоят шесть стражников, следящих за каждым ее движением. В прошлый раз их было двое, а до этого они и вовсе гуляли без сопровождения. Но поскольку свадьба уже на носу и кто-то так решительно настроен убить Дафну, король Варфоломей приказал усилить ее охрану.

Дафна знает, что она должна быть благодарна за это, но постоянное присутствие стражников ее раздражает. Кроме того, у Клионы есть не менее весомая причина желать ей смерти, чем у кого-либо другого, и, конечно, она могла бы вонзить кинжал меж ребер Дафны прежде, чем кто-то из шести стражников успеет сделать даже шаг. И это при условии,

что они вообще потрудятся ее спасти, потому что Дафна готова была поспорить – по крайней мере половина из них работает на отца Клионы, лорда Панлингтона, лидера повстанцев.

Эта мысль должна была бы встревожить Дафну, но ей все равно. В конце концов, враги повсюду, и есть некоторое утешение в том, что она знает о том, кто такая Клиона: дочь лидера восстания, такая же смертоносная и хитрая девушка, как и сама Дафна.

Может быть, именно поэтому она ей так нравится.

Кроме того, Дафна знает, что повстанцы не хотят ее смерти – по крайней мере, пока. Ведь на их стороне сам Байр, так что они думают, будто Дафна тоже с ними заодно.

– Возможно, невестам и положено волноваться, – признает Клиона. – Но ты словно заболела – бледная, как привидение.

– Это все фривийская погода, – говорит Дафна, поднимая взгляд к серому небу. Теперь, когда зима полностью вошла в свои права, в нем нет и намек на синеву. – Прошло так много времени с тех пор, как я чувствовала солнечный свет на своей коже, что я забыла, каково это.

Клиона смеется, и ее голос остается легким и беззаботным, даже когда она понижает его, сжимая руку Дафны.

– Ну, я уверена, скоро ты вернешься в Бессемию.

Дафна бросает на нее косой взгляд – Клиона не может не понимать, что такое не следует говорить в присутствии

стражников. На самом деле Клиона и правда не может этого не понимать. И это подтверждает подозрения Дафны о том, что по крайней мере большинство из них находится на стороне повстанцев.

– В таком случае, – говорит Дафна, подражая интонации и громкости голоса Клионы, – свадьба рискует завтра не состояться.

Клиона улыбается.

– О, чем меньше ты будешь знать, тем лучше, принцесса, – говорит она. – Постарайся все же немного больше походить на краснеющую невесту, ладно? Это не должно составить тебе большого труда, учитывая, насколько близкими стали отношения между тобой и Байром.

При этих словах Дафна и правда почувствовала, как к ее щекам прилила кровь, но сказала себе, что дело в порыве фривийского зимнего ветра и что это никак не связано с воспоминанием о том, как губы Байра коснулись ее губ, или с тем, как он произнес ее имя – с благоговением и крошечным намеком на страх.

На самом деле за последние несколько дней у них не было времени поговорить ни о поцелуе, ни о чем-либо другом. Обычно их окружают стражники, а это не тот разговор, который кто-то из них хочет заводить в присутствии слушателей.

Она удивилась, что Клиона сумела уловить изменение в их отношениях и с растущим ужасом задалась вопросом, не обсуждали ли они это с Байром. В конце концов, Байр рабо-

тал с повстанцами, и, наверное, они с Клионой нередко обсуждали Дафну. Хорошо еще, если этот поцелуй – худшее из того, о чем они говорили.

– О, не нужно так сердито смотреть, – говорит Клиона, закатывая глаза. – Попробуй немного улыбнуться. Я обещаю, что это тебя не прикончит.

При этих словах Дафна кривит губы в насмешливой ухмылке:

– Сомнительный выбор слов, Клиона. Учитывая все обстоятельства.

Клиона пожимает плечами:

– О, после того, что я видела в лесу, я могу только пожалеть того, кто попытается тебя убить. Похоже, это опасное занятие.

– Прости, напомни-ка мне, кто из нас перерезал горло тому мужчине? – спрашивает Дафна.

– Я лишь хочу сказать, что недооценила тебя, Дафна, – говорит Клиона. – Я не думала, что ты продержишься во Фри-ве и недели, но вот ты здесь, жива-здорова.

Это похоже на комплимент, и от этого Дафне становится не по себе.

– Ну, как ты и сказала, я довольно скоро уеду.

– Да, – соглашается Клиона. – И, кажется, я буду по тебе скучать.

Девушка произносит эти слова легко, но быстрый взгляд подтверждает, что она говорит серьезно. В груди у Дафны

что-то сжимается, и она понимает, что тоже будет сучать по Клионе. У нее никогда раньше не было настоящих друзей, только сестры.

Прежде чем Дафна успевает ответить, начальник ее стражи что-то выкрикивает, и остальные мужчины вытаскивают оружие. Их внимание сосредотачивается на приближающейся фигуре в капюшоне. Дафна едва может разглядеть человека между телами окружившей ее охраны, но все равно понимает, кто это.

– Это всего лишь принц, – говорит она как раз в тот момент, когда Байр откидывает капюшон, открывая длинные темно-каштановые волосы и столь необычные, резкие черты лица. Стражники расступаются, и Байр делает шаг к Дафне. Все еще не сводя с нее глаз, он быстро кивает Клионе в знак приветствия.

– Дафна, – говорит он, и что-то в его голосе сразу же выбивает землю у нее из-под ног. – Пришло письмо.

Сердце Дафны уходит в пятки.

– Из Темарина? – спрашивает она. – О Софронии?

Ей кажется, что она не сможет его прочитать. Не сможет посмотреть на написанные в нем слова. Какая-то часть ее уже знает, что сестра мертва, но увидеть, как кто-то с небрежным сочувствием нацарапал эти слова на бумаге? Это выше ее сил.

Байр качает головой, но складка на его лбу не разглаживается.

– От твоей матери, – говорит он.

Это должно бы ее успокоить, но по интонации его голоса она понимает, что юноша уже прочел письмо. И там нет ничего хорошего.

– Где оно? – слышит она свой вопрос.

– В твоей спальне, – говорит он ей, оглядываясь на стражников. – Я решил, ты захочешь прочесть его в одиночестве.

Моя дорогая Дафна,

С тяжелым сердцем я должна сообщить тебе, что наша дорогая Софрония была казнена повстанцами в Темарине. Не бойся – эта ужасающая несправедливость была отмщена, я уже захватила темаринский трон и лично наблюдала, как каждый человек, причастный к этому отвратительному деянию, был казнен. Я знаю, что это принесет тебе мало утешения, но мне сказали, что она умерла быстро и не мучилась.

Как для матери, для меня нет большей печали, чем похоронить собственного ребенка, хотя я понимаю, что ты сейчас чувствуешь почти то же самое. Я знаю, что в утешение буду еще больше полагаться на тебя и Беатрис.

Мне сказали, что королю Леопольду удалось бежать из дворца до того, как мятежники смогли казнить его вместе с Софронией, но с тех пор о нем не было никаких новостей. Если до тебя дойдет известие о нем, пожалуйста, дай мне знать. Я уверена, что он захочет вернуть свой трон.

*Твоя преданная мать,
Императрица Маргаро*

Дафна перечитывает письмо три раза, все время держа в уме, что Байр и Клиона наблюдают за ней. В первый раз она просто смотрит на текст письма – Софрония мертва, казнена повстанцами, Темарин под властью Бессемии, и повстанцы, которые убили ее, мертвы. Во второй раз она начинает искать признаки того, что письмо зашифровано, но так ни одного и не находит. При третьем прочтении она сосредотачивается на истинном смысле слов своей матери.

Я уже захватила темаринский трон.

Что ж, в этом и заключался ее план, не так ли? Нельзя не признать, что все получилось куда быстрее, чем Дафна считала возможным. Софрония должна была быть там, чтобы приветствовать армию своей матери. От этой мысли у Дафны сводит живот, но она отбрасывает эту мысль в сторону, чтобы сосредоточиться на письме.

Я знаю, что в утешение буду еще больше полагаться на тебя и Беатрис.

В этом Дафна уверена, хотя и сомневается, что утешение – подходящее слово. Нет, без Софронии Дафне и Беатрис придется работать гораздо усерднее, чтобы помочь планам императрицы воплотиться в жизнь. Дафна вспоминает о Беатрис, оказавшейся под арестом во дворце Валлона. Судя по тому, что она слышала, во многом это случилось по вине са-

мой Беатрис. Она, как и Софрония, пошла против воли их матери. Если ее мать не знала об этом тогда, когда писала это письмо, то к этому моменту ей уже определенно все известно, а это значит, что на плечах Дафны лежит еще большая ответственность. Она обращает свое внимание на ту часть, где говорится о короле Леопольде.

Мне сказали, что королю Леопольду удалось бежать из дворца до того, как мятежники смогли казнить его вместе с Софронией, но с тех пор о нем не было никаких новостей.

Итак, Леопольд сбежал. Дафна ненавидит его за это. Как он мог выжить, если ее сестра умерла? Девушка вспоминает, что Софрония упомянула его в своем последнем разговоре, сказав, что придут ее друзья – Леопольд и Виоли. Но, конечно, учитывая кровные узы, связывающие Леопольда с селларианской королевской семьей, они скорее пойдут к Беатрис, чем к ней. Возможно, ей следует написать об этом своей матери, но она не знает, как сделать это так, чтобы не раскрыть самых последних слов Софронии и того факта, что она вообще смогла их услышать. От перспективы разделить этот момент с кем-то еще Дафне становится не по себе.

Однако в одном Дафна уверена: что бы ни говорила ее мать, она не намерена возвращать Леопольду его трон. Дафна заметила, что в письме нет упоминания о братьях Леопольда, хотя она помнит, что у него их двое. Если он погибнет, трон по праву должен перейти к одному из них, а Дафна знает, что ее мать этого не допустит.

Девушка поднимает глаза от письма и переводит взгляд с Байра на Клиону.

– Моя сестра мертва, – говорит она.

Она произносит эти слова вслух уже не впервые. То же самое она сказала Байру и Аурелии, как только очнулась после разговора с Софронией и Беатрис, и тогда от слез у нее сдавило горло. На этот раз она произносит их спокойно, хотя все еще чувствует, как они ее душат.

Байр не удивлен, но Клиона – да. Нахмутив брови, она делает шаг к Дафне, как будто собирается ее обнять. Дафна поднимает руку, и девушка резко останавливается. Дафна не хочет, чтобы к ней сейчас прикасались, чтобы ее утешали. Если кто-нибудь это сделает, она не сможет больше сдерживать свои слезы, а этого допускать нельзя. Вместо этого она выпрямляется и комкает письмо в руке.

– Была казнена повстанцами, – добавляет она. Должно быть, ее слова прозвучали резко, потому что Клиона отступает на шаг назад.

Это была деталь, о которой Дафна до этого не знала и которая ранит ее еще сильнее. Потому что здесь и сейчас она сама вступила в сговор с мятежниками. Она понимает, что в этом нет логики и что Клиона, Байр и другие фривийские повстанцы не имеют никакого отношения к смерти Софронии, но единственное, в чем она сейчас может найти хоть каплю утешения, – это разгорающаяся ярость.

– Темаринские повстанцы, – уточняет Байр, как всегда

призывающий к логике. Но Дафне это не нужно.

– Софрония была легковерной натурой, – говорит она, расправляя плечи. – Она доверяла тем, кому не должна была доверять.

Дафна не знает, сколько в этих словах правды, но стоило произнести их вслух, как она сама начинает в них верить. В этом есть смысл. Это нечто почти осязаемое, то, за что она может ухватиться. Софрония доверилась не тем людям. Теперь эти люди тоже мертвы. Ее мать была права, и это осознание приносит ей утешение, пусть и совсем небольшое.

– Дафна, – говорит Байр настороженно.

– Я сожалею о твоей потере, – говорит Клиона. – Но эти те-маринские радикалы – просто опрометчивые идиоты. У них не было никакого плана, они лишь хотели казнить тех, кто был так или иначе связан с королевской властью. Ты же знаешь, это совсем другой случай, – добавляет она, склонив голову набок. – Кроме того, уже поздно поворачивать назад.

Минутная нежность прошла, и голос Клионы возвращается к своей обычной резкости. Дафна благодарна ей за это.

– Пора оставить эту тему, – говорит Дафна. – Но ты все же должна понимать, что я – не моя сестра.

Дафна чувствует, как у нее начинают дрожать руки, как сжимается горло. Она в шаге от того, чтобы разрыдаться, но она не собирается делать это у них на глазах. Она не переживет такого унижения.

Спустя мгновение Клиона коротко кивает.

– Тебе нужно время, чтобы оплакать сестру, – говорит она. – Мы с Байром передадим королю новости и извинимся за твое отсутствие на ужине.

Дафна кивает, но не решается заговорить. Она не уверена, что может произнести хоть слово. Клиона выскальзывает из комнаты, но Байр не двигается и не сводит глаз с Дафны.

– Я в порядке, – выпаливает она. – Это не было неожиданностью, так ведь? Я знала, что она... я знала, что она ушла.

Байр качает головой.

– Я знал, что Киллиан умирает, – говорит он, и Дафна вспомнила, что они впервые встретились всего через несколько дней после того, как он потерял своего собственного брата. – Я знал об этом задолго до его смерти. Но когда он и правда ушел, от этого знания мне не было ни капли легче.

Дафна сжимает губы в тонкую линию. Часть ее хочет сократить расстояние между ними и броситься в его объятия. Сделай она это, он бы обнял ее и утешил. Но поступить так – значит проявить слабость, а Дафне невыносима сама мысль об этом.

– Спасибо, – говорит она вместо этого. – Я не думаю, что твой отец захочет снова отложить свадьбу, учитывая, что здесь уже собрались все горные лорды. Пожалуйста, заверь его, что к завтрашнему дню я буду в порядке.

Мгновение Байр выглядит так, словно хочет что-то ска-

зять, но в конце концов передумывает. Он еще раз кивает и выскальзывает через ту же дверь, через которую вышла Клиона, и плотно закрывает ее за собой.

Но даже когда он уходит и Дафна остается совсем одна, она не может заплакать. Вместо этого она лежит в постели и смотрит в потолок, слушая, как последние слова Софронии снова и снова эхом отдаются в ее голове.

Я люблю вас до самых звезд.

Виоли

За время пребывания в темаринском дворце, пусть и на должности служанки, Виоли успела привыкнуть к комфорту. Ее кровать всегда была мягкой и достаточно большой, чтобы она могла с легкостью растянуться на ней в полный рост. Ее одежда всегда была свежестырированной, и ванну она принимала через день. После пяти дней, проведенных в Амивельском лесу, она поняла, что больше никогда не будет воспринимать ту крохотную роскошь как должное.

Но она, по крайней мере, справляется с положением лучше, чем король Леопольд. Виоли почти уверена, что он никогда в жизни не испытывал даже легкого неудобства.

Что ж, это несправедливое суждение, отвечает она мысленно сама себе. Вряд ли ему было комфортно, когда Ансель держал его в плену, когда дворец захватили. Когда он только появился – возник из неоткуда – в пещере в гуще Амивельского леса, где Виоли и Софрония договорились встретиться, его натертые веревкой запястья кровоточили. Виоли пришлось оторвать от своего платья полоску ткани и намочить ее чистой водой из реки Мерин, которая протекала неподалеку. Пока он рассказывал ей, что произошло, девушка накладывала повязки.

Софрония солгала ей – солгала им обоим. Она изначально не собиралась спасать себя, только Леопольда. Виоли да-

же не могла заставить себя по-настоящему разозлиться из-за этого – в конце концов, она сама лгала Софронии чаще, чем говорила правду. Виоли лишь хотела, чтобы Софи хоть раз в жизни побыла эгоисткой, но это было бы сродни желанию, чтобы звезды перестали светить.

И вот Виоли наблюдает, как Леопольд спит неподалеку от нее, расположившись на тюке сена. Они в маленьком пустом сарае рядом с домом, который показался им заброшенным. Наверное, когда-то это была ферма, но теперь здесь нет никаких признаков жизни – ни животного, ни человека.

Но, по крайней мере, сарай неплохо сохранился, и несколько оставшихся внутри тюков сена послужили самой удобной постелью, какая была у них за последние несколько дней.

Смотря на спокойное лицо Леопольда, Виоли думает о том, как сильно Софрония была очарована этим юношей. Сейчас его взъерошенные бронзовые волосы грязнее, чем когда-либо прежде, а под глазами появились темные круги. Он спит, слегка приоткрыв рот. Софрония была так влюблена, что отдала за него свою жизнь.

Винить его в этом было бы несправедливо, но Виоли ничего не может с собой поделать. И теперь этот бесполезный мальчишка стал ее собственным бременем. Король, за голову которого назначена немаленькая награда и о чьей смерти мечтает множество людей.

Уже не в первый раз Виоли думает о том, чтобы оставить

его и продолжить путь в одиночку. Она может улизнуть до того, как он проснется, и Леопольд никогда не сможет ее найти. Если вообще потрудится поискать. Тогда у нее не осталось бы вообще никаких обязательств и она могла бы вернуться к своей матери.

Обещай мне, что бы ни случилось, ты позаботишься о Леопольде.

Голос Софронии возвращается к ней, напоминая о данном обещании. Виоли никогда не думала, что ей и правда нужно будет исполнять обещанное. Но все же она дала слово.

Леопольд медленно открывает глаза и хмурит лоб. Так происходит каждое утро, когда он осматривает окружающую обстановку. Его взгляд останавливается на Виоли, и она снова наблюдает, как к нему возвращаются воспоминания о последних шести днях. Она видит, как округляются его глаза, напрягается челюсть. Как разрывается его сердце. Так происходит каждое утро, когда он вспоминает, что Софрония мертва.

Но Виоли не нужно напоминать себе об этом. В своих кошмарах она видит, как это происходит снова и снова. Наблюдает, как Софронию, грязную и бледную после стольких проведенных в заключении дней, ведут по ступенькам на эшафот. Наблюдает, как палач кладет ее голову на деревянную колодку, мокрую от крови всех тех, кто оказался на этом месте до нее. Наблюдает, как серебряное лезвие гильотины опускается и отделяет голову Софронии от ее тела, а толпа

вокруг Виоли и Леопольда заходится в ликование.

Софрония даже не закричала. Она не заплакала и не стала умолять сохранить ей жизнь. В тот момент она, казалось, была за много миль отсюда, и это, как говорит себе Виоли, было тем единственным маленьким благословением, что дали ей звезды.

Нет, Виоли никогда не забудет о случившемся. Даже когда спит.

– Сегодня мы доберемся до Ольховых гор, – говорит она, понимая, что Леопольд и так это знает. Ей просто нужно что-то сказать, чтобы заполнить неловкое молчание, которое так часто их окутывает. На прошлой неделе они были незнакомцами – Виоли сомневается, что он хоть раз взглянул на нее, пока она была горничной Софронии. Теперь каждый из них – это все, что есть у другого, и они двое связаны вместе последней волей Софи.

Леопольд кивает, но ничего не говорит, поэтому Виоли чувствует себя обязанной продолжить, чтобы заполнить тишину.

– По морю проходит оживленный торговый маршрут, – говорит она. – Нам будет куда проще проплыть по нему, чем пытаться взобраться на сами горы. Однако прежде, чем мы отправимся в дорогу, нужно заглянуть в дом. Сомневаюсь, что в последнее время здесь кто-то бывал, но, возможно, внутри осталась какая-нибудь еда или что-то еще, что мы сможем продать...

Увидев испуг на лице Леопольда, она замолкает.

– Ты хочешь, чтобы я украл у своего собственного народа? – спрашивает он.

Виоли стискивает зубы.

– Они не твои люди, по крайней мере теперь, – говорит она. – И если ты умрешь в Ольховых горах, то никогда больше не будешь править Темарином.

– Мне все равно, я не могу просто...

– Я обещала Софронии, что позабочусь о тебе, – говорит она. – Ты собираешься позволить ее жертве пропасть даром ради соблюдения принципов, которые – уж прости за грубость – сейчас совершенно бесполезны?

Это удар ниже пояса, но он достигает цели, и Леопольд напрягает челюсть. За последние несколько дней Виоли поняла, что упоминание о Софронии – верный способ заставить его замолчать, пусть это и вынуждает ее чувствовать себя неловко.

Девушка решила было извиниться, но прежде, чем она успеет это сделать, ее внимание привлекает звук снаружи сарая – шаги.

Виоли быстро хватается за кинжал, который всегда держит на расстоянии вытянутой руки, – на этот раз он воткнут в тую сена рядом с тем местом, где она спала. На цыпочках она подходит к двери сарая и слышит низкий гул голосов, говорящих... на селларианском?

Она знает этот язык не так хорошо, как бессемианский

или темаринский, но узнает его звучание.

Она хмурится, поглядывая на Леопольда, который, должно быть, тоже расслышал голоса, потому что выглядит не менее озадаченным. Хотя они и находятся недалеко от Ольховых гор, которые служат южной границей между Темарином и Селларией, мало кто путешествует из одной страны в другую, если не считать торговцев. А они находятся далеко от любых крупных дорог, по которым те могли бы проезжать.

Шаги и голоса приближаются, и Виоли прижимается к стене рядом с дверью, в то время как Леопольд низко пригибается за тюком сена, держа в руках большую палку – импровизированное оружие.

Дверь со скрипом открывается, и внутрь входят двое мужчин, один из которых пожилой, а другой примерно того же возраста, что и Виоли с Леопольдом. Они оба выглядят потрепанными, хотя Виоли отмечает, что их скрытая под слоем грязи одежда выдает их высокий статус.

Не имеет значения, кто они такие, думает Виоли. Все в Темарине ищут Леопольда, беглого короля, за голову которого назначена награда. Если эти люди поймут, кто он такой, они с Виоли все равно что мертвы. Она крепче сжимает свой кинжал и готовится к прыжку, но голос Леопольда останавливает ее.

– Лорд Савель? – спрашивает он, выпрямляясь.

Пожилой мужчина поворачивается к Леопольду, быстро моргая, как будто думает, что тот сейчас исчезнет.

– Ваше... Ваше Величество? – спрашивает он. – Этого просто не может быть... Король Леопольд? – спрашивает он, как будто, произнеся это имя вслух, разрушит иллюзию.

Леопольд роняет палку и трясет головой, словно пытаясь прийти в себя.

– Это я, – говорит он. – Я думал, вы в тюрьме или казнены.

– А я думал, вы будете в своем дворце, – говорит лорд Савель, нахмутив брови и оглядывая Леопольда. – И к тому же намного чище.

– Вскоре после того, как мы получили известие о вашем заключении, произошел переворот – нам едва удалось сбежать из дворца. Мы направляемся в Селларию, чтобы найти убежище у моего двоюродного брата.

Молодой человек качает головой.

– Паскаль и Беатрис были арестованы за государственную измену, – говорит он. – Нам тоже едва удалось сбежать.

– Звезды над головой, – ругается Виоли, глядя на Леопольда, который в это время прочищает горло.

– Лорд Савель, это...

– Не нужно представляться, я слышу этот бессемианский акцент, – говорит лорд Савель, стараясь улыбнуться Виоли. – Королева Софрония, полагаю. Ваша сестра заплатила высокую цену, чтобы спасти мне жизнь, и я в глубочайшем долгу перед ней.

Сердце Виоли замирает. Она знает, что они с Софронией похожи и что это одна из причин, по которым императрица

завербовала именно ее, но от его слов у нее все равно сводит живот.

– Похоже, у девушек из этой семьи много общего, – говорит она. – К сожалению, королева Софрония тоже не избежала ареста. Я Виоли, и я была ее служанкой.

– Королеву Софронию тоже заключили в тюрьму? – спрашивает молодой человек на темаринском с сильным селларианским акцентом. Он красив той редкой нынче аристократичной красотой, что сочетает в себе мягкие черты лица и добрую улыбку.

Виоли и Леопольд обмениваются многозначительными взглядами.

– Нет, – выдавливает Леопольд через мгновение. – Нет, ее казнили.

Они ни разу не говорили об этом с тех пор, как в тот роковой день бросились обратно в Кавелле, поняв, что Софрония солгала им о своих планах.

Глаза лорда Савеля и его спутника округляются.

– Вы, должно быть, ошиблись, – говорит лорд Савель.

Виоли сглатывает. И снова она видит, как лезвие падает, а белокурая голова Софронии откатывается от ее тела. Как же много крови...

– Нет, – говорит она и снова поворачивается к молодому человеку.

– Кто ты? – спрашивает она.

– Эмброуз, – говорит он. – Я... я... Паскаль и я... дру-

зья, – удается сказать ему.

– Он помог мне сбежать из Селларии, – объясняет лорд Савель. – Принцесса Беатрис использовала магию, чтобы вытащить меня из тюрьмы, а в гавани меня встретили Эмброуз и принц Паскаль. Когда наша лодка уже почти скрылась из виду, мы увидели, что принца Паскаля арестовали стражники.

Виоли бросает взгляд на Леопольда.

– Тогда нам нужен другой план, – говорит она.

– И нам тоже, – говорит лорд Савель. – Мы направлялись к вам, хотя, полагаю, сейчас у вас нет армии, готовой вторгнуться в Селларию, – добавляет он.

– Нет, – говорит Виоли. – Но у императрицы Бессемии – есть.

Лорд Савель хмурится, переводя взгляд с Леопольда на Виоли.

– Какое отношение к этому имеет мать принцессы Беатрис?

– Это довольно долгая история, – говорит Виоли. – И прежде чем ее рассказать, мне не помешало бы немного перекусить.

Эмброуз поднимает свою сумку.

– У нас оставалось немного денег, и мы купили еду, – говорит он. – Угощайтесь.

– О, мы не... – начинает Леопольд, но Виоли слишком голодна, чтобы сохранять вежливость.

– Спасибо, – говорит она.

Сидя на кухне заброшенного дома и уплетая завтрак из хлеба и сыра, Виоли рассказывает им все, на что осмеливается. Рассказывает, что принцесс Бессемии растили шпионками и что они должны были помочь их матери достигнуть ее главной цели – завоевания всего континента. Рассказывает, что она и сама была завербована два года назад, чтобы шпионить за Софронией, потому что императрица подозревала ее в слабости и сомневалась, что девушка сможет довести дело до конца. Софрония действительно пошла против своей матери, и тогда императрица вступила в сговор с матерью Леопольда, королевой Евгенией, решив свергнуть Леопольда с Софронией и казнить их обоих.

– Я пыталась помочь Софронии сбежать, но она сказала, что не уйдет без Леопольда, – говорит Виоли, когда они доедают последний кусок хлеба с сыром. – Мать дала им с сестрам по желанию, и план состоял в том, чтобы она его использовала и переместилась вместе с Леопольдом в пещеру далеко-далеко от дворца, где их уже ждала бы я...

– ...но она с самого начала знала, что в этом желании недостаточно силы, чтобы спасти нас обоих, – заканчивает Леопольд, – и прежде, чем я смог ее остановить, она использовала его, чтобы спасти меня.

– Желание... оно было в браслете на ее запястье? – спрашивает лорд Савель.

Леопольд и Виоли кивают.

– Принцесса Беатрис использовала свое, чтобы спасти меня.

– Получается, мы не можем рассчитывать на защиту в Селларии, – говорит Леопольд. – Мы не можем оставаться в Темарине, и в Бессемии нас ждет не меньшая опасность. Может, мы отправимся во Фрив? Сестра Софронии, Дафна, поможет там.

Виоли сдерживается, чтобы не поморщиться, но все, что она знает о принцессе Дафне, подсказывает ей, что девушка вряд ли пойдет против императрицы. Но Леопольд прав – больше ему негде искать защиты. Однако Виоли в защите не нуждается.

– Вам троим следует отправиться во Фрив, – говорит она, прижимая палец к деревянному столу, чтобы собрать все до последней крошки. В конце концов, кто знает, когда получится поесть в следующий раз. – Я буду искать Беатрис в Селларии.

Все трое потрясенно смотрят на нее, но Виоли этот план кажется идеальным. Если о Леопольде будет заботиться лорд Савель, ей больше не придется нянчиться с ним самой, и отчасти ее долг перед Софронией будет погашен. Если она сможет спасти и Беатрис, то они с Софронией будут квиты.

Лорд Савель первым нарушает молчание, прочищая горло:

– Когда мы пришвартовались в Темарине, то от несколь-

ких моряков узнали, что ходят слухи, будто бы принцессу Беатрис и принца Паскаля отправили в Сестринство и Братство в Ольховых горах, – говорит он. – Мы надеялись заручиться поддержкой темаринских сил и попытаться их освободить. Пытаться сделать это без армии – это... ну...

– ...смертный приговор, – заканчивает Леопольд. – Ольховые горы сами по себе уносят по меньшей мере дюжину жизней в год, а селларианские Сестринства и Братства – это почти что тюрьмы. Нельзя просто так прийти туда или уйти оттуда.

– Я пойду с тобой, – говорит Эмброуз, застав Виоли врасплох. Но, встретив его пристальный взгляд, она понимает, что его не переубедить. Девушка кивает.

– Без обид, Эмброуз, но это не очень обнадеживает, – говорит Леопольд.

Эмброуз пожимает плечами.

– Я бы развернулся и вернулся за ними в тот же день, когда до нас дошел слух, но мне нужно было доставить лорда Савеля в безопасное место, как я и обещал. Виоли права – вам двоим следует отправиться во Фрив. Мы вернемся в Селларию.

– И что именно вы предпримете? – спрашивает Леопольд. Виоли бросает взгляд на Эмброуза.

– Я не знаю, но туда по меньшей мере несколько дней пути. Уйма времени, чтобы разработать план.

Леопольд смотрит на Виоли, нахмутив брови. Через мгно-

вание он быстро кивает:

– Хорошо, я тоже с вами.

Виоли фыркает.

– Ты, должно быть, шутишь, – говорит она.

– Я так же серьезен, как и ты, – говорит он. – Ты не единственная, кем движет долг.

В глубине души Виоли знает, что он прав и что она не единственная, кого мучает чувство вины и преследуют мысли о смерти Софронии. Несмотря на все многочисленные недостатки Леопольда, он и правда любил свою жену.

– У тебя много долгов, – возражает она, отбрасывая всякое сочувствие. – Тебе не кажется, что их было бы лучше вернуть монетами?

Леопольд выдерживает ее взгляд, но не начинает спорить, как она того ожидает. Вместо этого он тяжело вздыхает.

– Нет, – говорит он. – Я не знаю. Софрония хотела, чтобы мы отправились в Селларию и нашли Беатрис и Паскаля. Нынешние обстоятельства не изменили бы ее мнения, и я не изменю своего.

Он поворачивается к лорду Савелю, задумчиво нахмурившему лоб.

– Вы сможете добраться до Фрива в одиночку?

– Меня не разыскивают, и раз я поеду один, будет несложно избегать лишнего внимания, но во Фриве меня никто не ждет. У меня есть дальний родственник на Сильванских островах. В Альтии, – добавляет лорд Савель, называя один из

небольших островов. – Я буду там, и если кому-нибудь из вас понадобится помощь или убежище, приходите и найдите меня.

– На какие деньги? – спрашивает Виоли. – Я думала, вы сказали, что потратили все до последней астры.

Лорд Савель одаривает ее полуулыбкой.

– Я не настолько стар, чтобы быть не в состоянии отработать за проезд, моя дорогая, – говорит он. – Если понадобится, я помою палубы или почищу рыбу.

– Вот, – говорит Леопольд, роясь в кармане пальто и доставая украшенную драгоценными камнями булавку – ту, что он носил в ночь, когда захватили дворец. Это одна из немногих вещей, которые у него остались. Еще были перстень с печаткой, бриллиантовые запонки и бархатный плащ с рубиновой пряжкой. Все это стоило достаточно, чтобы они могли прокормить себя в течение года или и того больше, но продавать их в Темарине – слишком рискованно. И все же лорд Савель прав – его самого никто не разыскивает, а путешествие, которое он совершил, так изменило его облик, что никто не догадается о его принадлежности к знатному роду. Они решат, что он украл булавку, и навряд ли осудят за это.

Лорд Савель берет булавку и кладет ее в карман.

– А вы трое? – спрашивает он.

– Если вы можете работать, то и мы сможем, – говорит Леопольд, пожимая плечами.

– По пути сюда мы останавливались в гостинице у подно-

зия гор, – говорит Эмброуз. – Хозяйка разрешила нам мыть посуду и убирать конюшни в обмен на ужин и постель.

– По-моему, звучит неплохо, – говорит Леопольд, и Виоли не может не фыркнуть. Она сомневается, что Леопольд вообще знает, что значит убирать конюшню. Ему нечего делать в этом путешествии. Он только замедлит их и, скорее всего, все время будет жаловаться. Она открывает рот, чтобы снова запротестовать, но так же быстро закрывает его.

Она пообещала Софронии, что будет охранять этого человека. Чем дольше он остается с лордом Савелем в Темарине – стране, где его разыскивают, – тем в большей опасности он находится. Селлария – лучший вариант.

– Тогда нам не стоит задерживаться, – говорит она, отодвигаясь от стола и вставая. – Дом, может, и заброшен, но я не хочу рисковать встречей с кем-либо еще – сомневаюсь, что они будут такими же дружелюбными, какими оказались вы двое.

Беатрис

Беатрис вернулась в свою келью и теперь сидит на кровати, скрестив ноги и закрыв глаза. Юбка ее длинного серого платья раскинута по одеялу. У Найджелуса было не так много времени, чтобы рассказать ей все, что нужно было знать об этой новой, пробуждающейся в ней силе, но он подчеркнул важность концентрации и терпения – двух вещей, в которых Беатрис никогда не была сильна.

Но, по крайней мере, если она сидит совершенно неподвижно и держит глаза закрытыми, у нее мало шансов пропустить сигнал Найджелуса. В одной руке она сжимает флакон со звездной пылью, который он передал ей перед уходом, – стекло теплое, она почти не выпускала его из рук.

В любой момент Найджелус подаст сигнал. Когда он это сделает, она должна быть готова.

В любой момент.

В любой момент.

Она открывает глаза ровно настолько, чтобы, прищурившись, иметь возможность мельком оглядеть комнату. Что, если она пропустила сигнал? Может быть, он был слишком тихим, чтобы проникнуть сквозь каменные стены ее камеры. Может быть...

Прежде чем она успевает закончить собственную мысль, раздается столь сильный раскат грома, что кувшин с водой

падает с края ее стола и разбивается о каменный пол.

Беатрис вскакивает на ноги, откупоривает флакон со звездной пылью и высыпает ее на руку, вспоминая желание, которое Найджелус заставил ее запомнить слово в слово, чтобы исключить возможность ошибки.

Желания – штука хитрая, сказал он ей, хоть и знал, что в детстве она не раз пользовалась звездной пылью. Беатрис понимает, что ключ к успешному исполнению желания – правильная формулировка. Магия подобна воде в ведре: если в нем есть дыры, магия выльется через них.

– Я бы хотела, чтобы молния ударила в стену моей камеры и проделала дыру размером с мой кулак, – говорит она в спешке. Как только слова слетают с ее губ, снаружи раздастся еще один раскат грома и на пол в облаке пыли падает отломившийся от стены камень.

С бешено колотящимся сердцем Беатрис спешит к образовавшемуся проему. Она уже слышит удивленные возгласы сестер, и ее наверняка скоро придут проверить – это только вопрос времени. Она вглядывается в дыру в стене, быстро перечисляя созвездия, которые видит – Одинокое Сердце, Вороново Крыло и Фальшивая Луна. Одинокое сердце символизирует жертву, Вороново Крыло символизирует смерть – ни одно из этих созвездий она не хотела бы использовать ни сегодня, ни когда-либо еще. Фальшивая Луна символизирует двуличие – может, это в чем-то сходится с ее целями? Она уверена, что сестры сочли бы ее поведение двуличным.

Однако прежде, чем она успевает принять это решение, с севера появляется другое созвездие, и Беатрис с облегчением вздыхает – это символизирующая удачу Чаша Королевы. Она видит очертания бокала – слегка наклоненного, как будто его содержимое рискует пролиться.

Что ж, ей, конечно, сейчас нужна вся удача, какая только может выпасть на ее долю. Она находит звезду в центре созвездия – маленькое мерцание света, которое исчезает, если смотреть прямо на него. Найджелус заверил ее, что мало кто заметит пропажу, но так как это маленькая звезда, желание тоже будет слабее.

Она была удивлена, что Найджелус позволил ей намеренно снять звезду с неба – даже за пределами Селларии это считается кощунственным, и к таким методам прибегают только в самых крайних случаях. Но Найджелус заверил, что это чрезвычайная ситуация: она заперта в Сестринстве в Селларии, в то время как мать полна решимости ее убить. Беатрис не собиралась с ним спорить. Однако часть ее подозревала, что Найджелус, вероятно, мог бы освободить ее куда более простым способом. Например, дав ей больше звездной пыли. Также она думала о том, что в какой-то мере все это служит для нее испытанием.

Если это так, Беатрис может только надеяться, что она его пройдет. Те несколько раз, когда она использовала звездную магию, все происходило само собой из-за переполняющих ее эмоций. Найджелус заверил ее, что со временем она сможет

лучше контролировать свою силу, но сейчас проще всего будет сделать все, как прежде, и направить свои эмоции в нужное русло. На этот раз она не чувствует ни тоски по дому, ни вожделения. На этот раз она испытывает лишь гнев.

Он вспыхивает внутри нее в одно мгновение, горячий на ощупь и готовый разгораться еще сильнее. Она думает о Софронии, казненной за сотни миль отсюда; она думает о Жизелле и Николо, которым она доверилась и которые предали их с Паскалем; она думает о Дафне, которая отказалась помочь ей и Софронии и оставила их на произвол судьбы. Гнев приходит легко, но этого недостаточно. Беатрис уже почти чувствует силу на кончиках пальцев, но не может дотянуться.

Ее сердце бешено колотится в груди – не время для полумер, не время сдерживаться.

Не отрывая взгляда от созвездия, Беатрис представляет, что произойдет, когда она снова увидит свою мать. После двух месяцев в Селларии воспоминания о Бессемии уже стали размытыми, но она так ясно видит лицо матери в своем сознании, как будто та стоит перед ней – идеально причесанная и напудренная и с той самодовольной улыбкой, которая не сходит с ее лица.

Улыбалась ли она так же, когда замышляла убить Софронию? Когда она пыталась сделать то же самое с Беатрис? Девушка сжимает руки в кулаки. Она представляет, как предстанет перед своей матерью с этим знанием и кинет к ее но-

гам все ее грехи. Императрице, конечно, будет все равно, Беатрис прекрасно это понимает. Но она заставит ее ответить. Она заставит ее пожалеть.

Сила поднимается в ней, наполняя грудь жаром, который кажется смутно знакомым. Но это первый раз, когда она осознает его природу. Беатрис делает глубокий вдох.

Очисти свой разум от всего, кроме своего желания, сказал ей Найджелус, и Беатрис пытается сделать именно это. Она цепляется за свое желание, крепко держит его и забывает обо всем остальном.

Я бы хотела, чтобы Найджелус, Паскаль и я оказались вместе в Ольховых горах, далеко отсюда.

Она снова и снова прокручивает это желание в уме, бормочет его себе под нос. Она закрывает глаза и видит слова на внутренней стороне своих век. Они словно выжжены в ее душе.

В лицо вдруг дует холодный ветер, и она снова открывает глаза, но видит вовсе не келью в Сестринстве. Вместо этого она стоит под открытым, усыпанным звездами небом. Ее босые ноги утопают в свежем снегу, а шерстяное платье развеивается по ветру.

Ей очень холодно, но она свободна.

– Триз, – произносит голос позади нее.

Едва сдерживая подступающий к горлу смех, она оборачивается, и вот ее уже крепко обнимают и прижимают к себе знакомые руки – руки Паскаля.

– Пас, – говорит она, обнимая его в ответ. – Это сработало! Это действительно сработало!

– Что... – начинает Пас, но прежде, чем он успевает сказать что-нибудь еще, их прерывает другой голос:

– Да, молодец, – говорит Найджелус, поднимая два плаща. – Но если ты замерзнешь до смерти, это будет пустой тратой звезды.

Он передает каждому из них по тяжелому, подбитому мехом плащу, а затем лезет в сумку и вытаскивает две пары ботинок, которые, кажется, вполне подойдут по размеру.

– Поторопитесь, у нас впереди большое путешествие. Я все объясню по дороге, принц Паскаль.

Паскаль натягивает плащ, но смотрит прямо Беатрис в глаза. Его брови нахмурены, как это часто бывало прежде. Только сейчас Беатрис понимает, насколько сильно она скучала по нему и его нахмуренному лбу.

– Кто?.. – спрашивает ее Паскаль.

– Найджелус, – говорит она ему. – Эмпирей моей матери.

Он раскрывает рот от удивления – не то чтобы Беатрис могла винить его за это. В Селларии звездная магия запрещена, и, скорее всего, он никогда раньше не встречал эмпирея. Ну, кроме нее, думает она, хотя этот статус все еще кажется ей неподходящим. Она сомневается, что когда-нибудь это изменится.

– Он помог нам сбежать, – говорит она.

– Ты доверяешь ему? – спрашивает он, и Беатрис знает,

что Найджелус все прекрасно слышит, хоть и притворятся безучастным.

– Нет, – говорит она совершенно отчетливо. – Но у нас нет выбора, правда?

Дафна

Дафна представляла свою свадьбу столько, сколько себя помнит. Ее фантазии начинались как грезы наяву, которые с годами становились все более осязаемыми – особенно после того, как она сама посетила несколько свадеб, – и приобретали еще больше цветов и оттенков по мере того, как девушка больше узнавала о Фриве и его обычаях. Она представляла себе свое свадебное платье, и его облик менялся вместе со сменой моды от сезона к сезону. Она представляла церемонию под звездами, толпу незнакомцев и принца, ждущего ее в конце длинного прохода. Лицо принца тоже изменилось с годами – неузнаваемое пятно приобрело черты принца Киллиана с тех самых пор, как они начали обмениваться портретами.

Однако, сколько бы она ни думала о своей свадьбе, столько же времени она проводила, размышляя обо всем, что будет *после*. О планах ее матери. О ее приказах. О триумфальном возвращении в Бессемию, доказывающем, что она достойна стать следующей императрицей Вестерии. Дафна думает о своем будущем – обо всем, не только о свадьбе, – но сейчас, когда она стоит здесь, в часовне дворца, сквозь стеклянную крышу которой видны звезды, чувствует себя совершенно неподготовленной.

Ее платье совсем не похоже на те пышные бессемианские

платья, которые она видела у портних и в модных журналах. Ее платье – бархатное, светло-зеленое, без украшений и в целом довольно простое, за исключением отделки из серого горноста на подоле и рукавах. Без нижних юбок и кринолина, оно облегает ее фигуру. Толпа – не незнакомцы, по крайней мере не все. Она видит короля Варфоломея и стоящего рядом с ним отца Клионы. Сама Клиона сидит прямо за ними, рядом с Хеймишем, которого она старательно игнорирует. Друг Байра, Руфус, тоже сидит там со своими пятью братьями и сестрами. Она узнает и других гостей. Некоторые из них даже успели ей понравиться.

А еще есть Байр, который ждет ее в конце длинного прохода – не безликое лицо и уж точно не Киллиан. Когда его глаза находят ее, он слегка улыбается, и она улыбается в ответ, еще крепче сжимая букет из лилий и маргариток, который несет, пока медленно, шаг за шагом, подходит к нему.

Она лишь на мгновение отводит взгляд от Байра, чтобы снова посмотреть на Клиону, но девушка ничем себя не выдает. У Дафны скручивает живот.

Во всех своих фантазиях об этой ночи она всегда точно знала, что произойдет. Она должна была подойти к алтарю. Эмпирей должен был сказать несколько слов. Она и ее принц должны были обменяться клятвами. И все.

Но Дафна знает, что Клиона и повстанцы чего-то ждут. Она знает, что не покинет эту часовню замужней. Она лишь надеется, что вообще выйдет отсюда живой.

О, чем меньше ты будешь знать, тем лучше, принцесса, сказала Клиона, когда Дафна спросила о планах повстанцев, и как бы ни было досадно оставаться в неведении, она знает, что Клиона права. Что бы ни произошло, Дафна и Байр должны быть вне подозрений.

А что-то произойдет.

Так ведь?

Дафна подходит к Байру. Он берет ее за руку, но она едва это чувствует. Ее разум затуманивается, и она смутно осознает, что Фергал, фривийский эмпирей, начинает говорить о звездах и их благословениях. В любую минуту что-то может случиться. Мятежники ворвутся в часовню. Ударит молния. Начнется пожар. С минуты на минуту.

Но пока Фергал продолжает бубнить, ничего не происходит, и у Дафны в душе начинает теплиться надежда.

Что, если ничего не случится? Что, если повстанцы изменили свои планы и больше не хотят препятствовать этой свадьбе? Что, если они поняли, что письма Дафны, якобы от короля Варфоломея и императрицы Маргаро, стремящихся объединить Фрив и Бессемию через Дафну и Байра, были подделками? Что, если...

Байр дергает Дафну на себя так сильно, что ей кажется, будто ее рука вырывается из сустава. Она врывается в него, опрокидывая их обоих на каменный пол, как раз в тот момент, когда в часовне раздается взрыв, наполняя ее уши звонком и осыпая их обоих дождем осколков. Что-то твердое уда-

рывает ее по затылку, – голову пронзает боль, и зрение теряет фокус.

– Дафна! – кричит Байр, и хотя она распласталась у него на груди, а его губы находятся на расстоянии дыхания от ее уха, голос юноши звучит словно издалека.

– Я в порядке, – говорит она, пытаясь перестать думать о боли в голове, чтобы обратить внимание на остальные части тела – ее плечо кровоточит, а в ушах все еще звенит, но, по крайней мере, кажется, что ничего не сломано. Она приподнимается, чтобы посмотреть Байру в лицо. Какой-то осколок порезал ему висок, но в остальном он выглядит невредимым, хотя, конечно, могут быть такие повреждения, которые невозможно увидеть.

– А ты?

– Все хорошо, – говорит он, хотя и морщится, когда произносит это.

Дафна скатывается с него. В голове пульсирует боль, но она заставляет себя игнорировать ее и осматривает столпотворение в часовне – гости сбились в кучу, их одежда окровавлена и порвана, потолок над их головами разрушен, а по земле разбросаны осколки стекла и металла. Она находит глазами короля Варфоломея, но он в порядке – присел на корточки рядом с Руфусом и его братьями и сестрами и проверяет, как там дети. Клиона и Хеймиш тоже кажутся невредимыми, хотя Дафна должна признать, что они оба весьма успешно притворяются испуганными. Отец Клионы тоже

здесь, он быстро обходит часовню, проверяя, нет ли раненых.

Дафна выдыхает. Все в порядке, этот ход нужен был лишь для того, чтобы потянуть время...

В нескольких дюймах от ее лица лежит рука Фергала. Она вся в крови, но ее легко узнать по кольцу эмпирея, которое он носит на большом пальце правой руки.

Кольцо, которое он носил на большом пальце правой руки, поправляет себя Дафна, заставляя себя поднять глаза. Она видит ногу, затем ухо и, наконец, его голову.

Последнее, что помнит Дафна, – это крик.

Дафна приходит в себя от слабых предрассветных лучей солнца, проникающих в ее окно, и ей требуется мгновение, чтобы вспомнить, что произошло – день ее свадьбы; Байр, который оттащил ее в сторону за мгновение до взрыва, как будто знал, что произойдет; боль в ее голове; разорванное на куски тело Фергала.

Она почти не знала Фергала и, конечно, не будет по нему горевать, и все же...

Только на прошлой неделе она, Байр и Клиона отправили на тот свет полдюжины потенциальных убийц, и Дафна ничего не почувствовала.

Но когда она закрывает глаза, то видит окровавленную руку в паре дюймов от своего лица. Она видит отделенную от тела голову Фергала и его безжизненные серебряные глаза – тронутые звездами, такие же, как у нее и у Байра.

Она вздрагивает и заставляет себя сесть, замечая, что головная боль прошла. Вообще вся боль прошла. Стеклопанный потолок разлетелся вдребезги, осколки дождем посыпались вниз, порезав ее кожу, но теперь на ней нет даже царапины.

Комната пуста, и ей требуется всего секунда, чтобы понять, почему это выбивает ее из колеи – последние два раза, когда она просыпалась после тяжелых травм, рядом с ней был Байр.

От страха у нее сводит живот, она тянется к кнопке звонка рядом с кроватью и резко дергает ее. Дафна слышит слабый звон в конце коридора и заставляет себя сохранять спокойствие. С Байром все было в порядке, он был в сознании и разговаривал. С ним должно было все быть в порядке. Он должен быть...

Дверь в ее комнату распахивается. Когда Байр заходит, Дафна чувствует, как ее тело расслабляется от облегчения. Мгновение спустя это облегчение сменяется яростью. Когда он закрывает за собой дверь и она убеждается, что они одни, то тянется за одной из подушек, сложенных вокруг нее, и бросает ему в лицо.

– Ты знал, – шипит она, стараясь говорить тихо.

Слегка вздрогнув, Байр ловит подушку, но ничего не отрицает.

– Я не мог тебе сказать, – говорит он. – Это было для твоей же безопасности, чем меньше ты знала...

– Да, Клиона сказала то же самое, – перебивает Дафна. –

Но мы оба знаем, что дело в другом – ты мне не доверяешь.

Она ожидает, что он будет отнекиваться, но этого не происходит. Это ранит сильнее, чем Дафна могла ожидать.

– У тебя тоже есть секреты, Дафна, – замечает он. – Даже не притворяйся, что ты сама мне доверяешь.

Сколь бы ей ни было неприятно, она не может отрицать его правоту.

Дафна стискивает зубы. Она раскрыла ему несколько фрагментов плана своей матери, но все же о многом умолчала. О том, о чем никогда не собирается ему рассказывать, – потому что, в конце концов, она верна не ему, а своей матери и Бессемии.

– Я чуть не умерла, – говорит она, стараясь сдержать свой гнев.

– С тобой все в порядке, – говорит он. – Я об этом позаботился.

– О, я должна благодарить тебя за это? – огрызается она. – Фергал мертв. Есть еще жертвы?

– Нет, – говорит Байр без малейшего проблеска вины. – Мы были осторожны, когда размещали бомбу. Несколько человек поранились, но новый эмпирей уже исцелил все раны, включая твои.

– Новый эмпирей? Как вам удалось так быстро его найти? – спрашивает Дафна, изо всех сил пытаясь переварить информацию. – Подожди, вы хотели убить Фергала. Почему?

Дафна мало что знает о Фергале, но, судя по тому, что она

знает о Фриве – в том числе из разведданных, предоставленных шпионами при фривийском дворе, – у нее сложилось впечатление, что Фергал не играл совершенно никакой роли. Она не понимает, кому может быть выгодна его смерть.

Прежде чем Байр успевает ответить, дверь снова открывается, и в комнату заходит мать Байра, Аурелия, с кольцом эмпирея Фергала на большом пальце правой руки и жизнерадостной улыбкой на лице.

– Рада видеть тебя на ногах, принцесса. Честно говоря, такое чувство, что у меня уже вошло в привычку исцелять тебя.

Дафна снова смотрит на Байра и теперь видит у него во взгляде намек на вину. Дафна понимает, чего именно добились мятежники: они не только сорвали свадьбу, но и убили придворного эмпирея, и теперь место по правую руку от короля заняла одна из них. Та, которая когда-то давно была с ним близка.

Беатрис

Гостиница «Этельдейс Инн» находится у самой границы с Темарином, объяснил Найджелус, хотя, если они и пересекли какую-то границу, Беатрис этого не заметила. Может, она сумела бы узнать больше, но, несмотря на то, что на протяжении их часовой прогулки Найджелус говорил почти без умолку, зубы Беатрис стучали так громко, что она едва его слышала.

Паскаль продолжал обнимать ее за плечи, но к тому времени, когда они наконец достигли огромных дубовых дверей гостиницы, Беатрис уже почти не чувствовала своей кожи. Она смутно осознает, что Найджелус заказывает им комнаты и горячие ванны, что Паскаль помогает ей подняться наверх, что незнакомая горничная раздевает ее и помогает залезть в воду, такую блаженно горячую, что от нее поднимается пар.

Должно быть, в какой-то момент она засыпает, потому что следующее, что она помнит, – это то, что она зарыта под гору одеял, в кровати, намного большей, чем ее койка в Сестринстве, но все же меньшей, чем кровать, которую она делила с Паскалем во дворце. *Пас.*

Беатрис садится, оглядывая темную комнату, но она одна. Девушка шевелит пальцами на руках и ногах, с облегчением обнаруживая, что прогулка по снегу не причинила ей вреда. Но часть ее задается вопросом, была ли в этом заслуга магии

Найджелуса и, соответственно, увеличился ли долг, который ей предстоит ему выплатить. Но об этом она подумает позже.

Беатрис встает на ноги, полная решимости найти Паскаля. Пока они шли сюда, едва ли смогли обменяться парой слов. Она уверена, что им есть что обсудить, но больше всего ей хочется убедиться, что он в безопасности.

Словно по зову ее мыслей, дверь открывается, и внутрь заходит Паскаль. Их глаза встречаются, и он делает долгий вдох.

– Я думал, мне все это приснилось, – говорит он, прислоняясь к дверному косяку. – Я был в своей камере в Братстве, выковыривал личинок из каши, которую они мне дали. А потом вдруг оказался там, в снегу, рядом с тобой.

Он не задает вопроса, но Беатрис знает, что все равно должна дать ответ. После всех секретов, которыми они поделились, это не должно даваться ей так тяжело, но Паскаль родился и вырос в Селлари, и другой жизни он не знает. Однажды он сказал ей, что, в отличие от большинства селларианцев, не считает магию богохульством. Но одно дело – просто говорить об этом, и совсем другое – столкнуться напрямую.

– Закрой дверь, – мягко говорит она ему, снова садясь на кровать.

Паскаль делает так, как она просит, и неуверенными шагами подходит к ней.

– Я не идиот, Триз, – говорит он ей, прежде чем она успе-

вает заговорить снова. – Я знал, что ты что-то скрываешь, – и я догадываюсь, что ты использовала магию, чтобы помочь лорду Савелю сбежать.

– Желание, – говорит она ему, качая головой. – Моя мать дала мне его перед отъездом, на случай крайней необходимости. Магия, да, но не моя. По крайней мере, не в тот раз.

Он обдумывает это.

– А звездная пыль на нашем подоконнике? – спрашивает он.

Беатрис вспоминает, как ее притащили к королю Цезаре, обвинив в использовании магии. Тогда она все отрицала и даже сама готова была себе поверить. Хотя теперь, конечно, все это предстает перед ней в ином свете. Она вспоминает служанку, которую казнили вместо нее.

Она кивает.

– Это было впервые. Тогда я даже не собирался этого делать. Мне потребовалось какое-то время, чтобы осознать, что у меня есть дар. Когда я говорила тебе, что это была не я, то и сама верила, что говорю правду. Но в этот раз я действовала осознанно.

Она думает о звезде, которой загадала желание. О той, которую она сняла с неба. Из-за нее на одну звезду теперь стало меньше. *Еще меньше*, добавляет она, если учесть те две, у которых она загадала по ошибке.

– Это была чрезвычайная ситуация, – говорит она ему и самой себе. – Я должна была это сделать.

Она ожидает, что он осудит ее, но юноша лишь кивает.

– Я рад, что ты сделала это, Триз, – говорит он, прежде чем взглянуть на закрытую дверь за его спиной, а затем снова на нее. – А эмпирей? Найджелус? Ему можно доверять?

– Звезды! Нет, – говорит Беатрис с усмешкой. – Он был комнатной собачкой моей матери еще до моего рождения, и я, конечно, ни капли ему не верю.

Она рассказывает ему про смерть Софронии и про слова Найджелуса о том, что это все было спланировано императрицей, которая собиралась убить и саму Беатрис.

– Но зачем тогда спасать тебя? – спрашивает он. – Если твоя мать хочет твоей смерти...

Он замолкает, нахмутив брови.

– Возможно, в Сестринстве тебе было безопаснее. Это может быть ловушкой.

– Я думала об этом, – говорит Беатрис. – Но смерть Софронии была публичной, прилюдной, и это дало моей матери возможность вторгнуться в Темарин. Если бы меня убили где-то в Ольховых горах, это не помогло бы в достижении ее цели. Да, у нее может быть план, но его пока не привели в действие. А к тому времени, как она решит это сделать, мы будем готовы.

Она делает паузу.

– Он хочет научить меня контролировать свою силу, и мне это нужно. Быть эмпиреем непросто.

Он кивает, но все еще выглядит встревоженным.

– Соболезную по поводу Софронии, – говорит он, спустя мгновение.

Он добр, но его слова ножом вонзаются в сердце Беатрис. Она коротко кивает.

– Она не была глупа, – говорит она ему. – Моя мать всегда говорила, что она глупая, но Софрония была умной. Просто она была добра, слишком добра, и это ее убило.

Паскаль должен услышать предупреждение в ее последних словах – она надеется, что он все понял. Она не знает, что будет делать, если потеряет и его тоже.

Она прочищает горло.

– Нам нельзя забывать о Нико и Джиджи. Не думаю, что они будут в восторге, узнав, что мы сбежали.

Паскаль издаст что-то похожее на смех.

– Я бы все отдал, чтобы увидеть их лица, когда они обо всем узнают, – говорит он.

Беатрис тоже улыбается, но она все еще чувствует себя опустошенной. Даже мысли о красном от ярости лице Жизеллы или виноватых глазах Николо недостаточно, чтобы наполнить ее душу радостью или хотя бы чем-то похожим.

Улыбка сходит с лица Паскаля, и он отводит от нее взгляд.

– Ты не спрашивала меня, что было в Братстве.

– О, – говорит Беатрис, хмурясь. – Я думала, что там примерно так же, как и в Сестринстве. Одиноко и скучно. Хотя, признаюсь, какой бы пресной ни была еда, которую они подавали, у меня в тарелке никогда не было личинок.

– Личинки были наименьшей из проблем, – говорит Паскаль, качая головой.

Он не вдаётся в подробности, и Беатрис не давит на него. Когда он снова заговаривает, его голос звучит мягко:

– Но в самые трудные моменты я думал о том, что буду делать, когда выйду на свободу. И, честно говоря, я не думал о Нико и Джиджи, не думал о мести, не думал о Селларии или о том, чтобы стать королем. Я думал только об Эмброузе.

Он делает паузу, обдумывая свои следующие слова.

– Пусть Нико будет королем. Я никогда не мечтал о троне.

– Они предали нас, Пас, – говорит Беатрис, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос звучал ровно. – Они сослали нас в горы умирать – они бы казнили нас, если бы могли.

– Я не уверен в этом, – говорит Паскаль мягким голосом. – Если я правильно помню, Нико пытался заставить тебя выйти за него замуж.

К щекам Беатрис приливает кровь. Николо так вскружил ей голову, что за это заплатили они оба – и она, и Паскаль.

– И я ответила «нет», – говорит она.

Паскаль долго и пристально на нее смотрит.

– Мы никогда это не обсуждали, – говорит он. – То, что именно между вами было.

Беатрис не хочет отвечать на этот вопрос. Не имеет значения, что между ними было и что она теперь об этом думает, потому что даже до того, как он ее предал, у них не было будущего. Она знает, что Паскаль не поверит ей, если

она заявит, что не скучает по Николо или даже по Жизелле, поэтому она прячет свое разбитое сердце в шипах гнева.

– Единственное, что было между Нико и мной, – это ложь, – огрызается она.

– Триз, я не заинтересован в том, чтобы защищать его, но ты тоже ему лгала, – отмечает Паскаль.

Беатрис не хочет это признавать, но он прав.

– Моя ложь никогда не подвергала его опасности, – отвечает она.

– Нет, – соглашается он. – Только меня.

Она прикусывает губу.

– Что теперь? Ты хочешь просто... простить его? Простить их обоих?

Паскаль пожимает плечами.

– Не простить, нет. Но я не хочу тратить свою жизнь на попытки отомстить людям, которые забрали то, чего я не желал. Честно, Триз? Если я больше никогда не окажусь в Селларии, то умру счастливым. Я не хочу возвращаться.

Это резкое заявление, но Беатрис и не удивляется, услышав его. Паскаль никогда не хотел быть королем, и, откровенно говоря, эта роль ему не подходит. Но если он отказывался от Селларии и трона, то они лишались того единственного, что их связывало.

– Куда же ты тогда пойдешь? – спрашивает она, пытаюсь игнорировать беспокойство, скручивающее ее внутренности. – Я уверена, что ты хочешь найти Эмброуза.

Он обдумывает ее слова.

– Если бы я знал, где он, то ушел бы сию же минуту, – говорит он. – Но это не так, и я прекрасно понимаю, что не смогу путешествовать в одиночку.

Он колеблется.

– Кроме того, Эмброуз сейчас во мне не нуждается. Чего нельзя сказать о тебе.

Беатрис ощетиливается – ей не нужен ни он, ни кто-либо еще. Сама мысль об этом унижительна.

– Если ты вдруг забыл, это я тебя спасла, – говорит она ему.

– Я не забыл, – говорит он. – Но мы обещали присматривать друг за другом, помнишь? Это работает в обе стороны. Если ты собираешься в Бессемию, я буду рядом с тобой. Научись использовать свою магию, разгадай планы своей матери. И когда придет время нанести удар, я тебе помогу.

Грудь Беатрис сжимается, и все, что она может сделать, – это быстро кивнуть.

– Тогда мы ударим вместе, – говорит она.

Виоли

Виоли, Леопольду и Эмброузу требуется еще один день в дороге, чтобы добраться до гостиницы, о которой упоминал юноша. За это время Виоли узнает об их новом компаньоне больше, чем смогла узнать о Леопольде почти за неделю совместного путешествия. Хотя она готова поспорить, что Леопольд думает о ней то же самое – их дни в основном проходят в молчании. Они друг другу не нравятся и не доверяют, и поэтому обсуждать было особо нечего.

Однако Эмброузу они оба, кажется, сразу понравились. Можно подумать, что он уже безоговорочно им доверяет – причуда, которую Виоли не может до конца понять. Всего за один день Виоли узнала не только историю детства Эмброуза – он провел его в сельской местности Селларии, – но и имена его родителей и их трех собак, а также все подробности того, что именно он испытывал, когда его дядя назвал двенадцатилетнего мальчика своим наследником и привел его ко двору, где он и встретил принца Паскаля.

Хотя как раз об этом Эмброуз ничего не сказал, Виоли подозревает, что они не просто друзья. Об этом несложно догадаться. Виоли понимает, что он не слишком хорош в сохранении секретов, и с удивлением обнаруживает, что это вызывает у нее зависть.

У Виоли не было другого выбора, кроме как стать хоро-

шей лгуньей. Она сомневается, что в ином случае вообще прожила бы так долго.

Когда из-за деревьев выглядывает труба гостиницы, Виоли вздыхает от облегчения. Ей все равно, сколько конюшен нужно почистить и сколько посуды перемыть, – она что угодно бы отдала за сон в мягкой кровати и полный живот еды.

– Мы должны придумать тебе имя, – говорит Эмброуз Леопольду. – В конце концов, технически мы все еще в Темарине. Нужно убедиться, что тебя никто не узнает.

Леопольд хмурится, обдумывая его слова.

– Я мог бы быть Леви, – говорит он.

Виоли вздрагивает, и он бросает на нее косой взгляд.

– Что не так с Леви? Это имя похоже на мое, его легко запомнить.

– С именем все в порядке, – говорит она. – Но стоит тебе открыть рот, они поймут, что ты из знатного рода. Постарайся вообще ничего не говорить.

Леопольда сжимает челюсти. Виоли понимает, что еще неделю назад Леопольд никому бы не позволил так с ним разговаривать, особенно простой служанке. Но после недолгого колебания он кивает.

– Хорошо, – говорит он. – Хотя твой бессемианский акцент тоже может вызвать удивление.

Виоли знает, что это справедливое замечание, хоть ее акцент уже почти исчез. Она очень устала, так что не хочет рисковать.

– Хорошо, – вторит она. – Тогда Эмброузу нужно взять все на себя.

Эмброузу, кажется, не по себе от этой идеи, но все же он кивает в знак согласия.

Гостиница «Этельдейс Инн» небольшая, но очень ухоженная. Как только Виоли ступает внутрь, ее обдает волной тепла, и только тогда она понимает, как сильно замерзла, весь день пробираясь по снегу. Полы устланы разноцветными коврами, которые дорожкой ведут в гостиную, а стены увешаны яркими картинами с изображением заснеженных гор. На маленьком столике у двери расположилась глиняная ваза, в которой стоят те самые цветы, в честь которых названа гостиница, – этельдейсы. Виоли делает шаг вперед. Она никогда раньше не видела свежих этельдейсов, только сушеные гроздья, с которыми стояли торговцы бессемианских рынков, но они ей всегда нравились. Нежные белые цветы кажутся хрупкими, но могут пережить самые свирепые метели.

По коридору торопливо идет женщина, отряхивая руки о пыльный фартук. При виде Эмброуза с ее лица сходит заготовленная жизнерадостная улыбка, и она хмурится.

– Не ожидала увидеть тебя так скоро, – говорит она на темаринском, но с небольшим селларианским акцентом. – Я же тебя предупреждала, что в Темарине сейчас работу не найти.

Эмброуз смотрит на Леопольда, затем снова на женщину.

– По-видимому, теперь дела еще хуже. Король Леопольд свергнут, королевство захвачено Бессемией.

Женщина задумывается.

– Ну, судя по историям, которые я слышала за последний год про короля Леопольда, это только к лучшему.

На этот раз и Виоли бросает взгляд на Леопольда, но если слова женщины его и задела, он этого не показывает, сохраняя безмятежное выражение лица.

– Я вижу, ты обменял своего старого друга на двух новых, – говорит женщина, и ее взгляд перемещается на Виоли и Леопольда.

– Наши пути разошлись, когда мы услышали эти новости, – осторожно говорит Эмброуз. – Но я встретил Виоли и Леви – они идут тем же путем, что и я. Ты же знаешь, безопаснее путешествовать группами.

– В это время года безопаснее вообще не путешествовать, – поправляет женщина, и по тому, как она хмурится, Виоли подозревает, что она искренне беспокоится о благополучии Эмброуза.

Эмброуз, должно быть, тоже это видит, потому что мягко улыбается.

– Лучше скажи мне вот что, Мерра, – говорит он. – Есть ли какой-нибудь шанс, что мы сможем поработать в обмен на комнату и ужин?

Женщина окидывает каждого из них взглядом.

– Мне бы снова не помешала помощь в конюшне, – при-

знается она. – И может, кто-то из вас умеет печь? Одна наша новая гостья любит сладкое, я бы хотела ее порадовать.

Виоли моргает. Она пару раз помогала Софронии с выпечкой, и этого было достаточно, чтобы Виоли научилась некоторым основам.

– Я могу помочь, – отвечает она, стараясь говорить без акцента.

Взгляд женщины падает на Виоли, и она кивает.

– Кроме вас здесь сейчас только одна группа постояльцев – девушка и юноша примерно вашего возраста и мужчина...

Она оглядывается через плечо, чтобы убедиться, что никто не подслушивает, а затем понижает голос до шепота:

– Верите или нет, это бессемианский эмпирей.

Желудок Виоли резко сжимается, и прежде чем она успевает обдумать свои слова, его имя слетает с ее губ:

– Найджелус?

Женщина прищуривается.

– Насколько я слышала, другого в Бессемии нет, – говорит она.

Виоли чувствует пристальный взгляд Леопольда и беспокойство Эмброуза, но заставляет себя улыбнуться.

– До меня доходили слухи. О нем много шепчутся. Говорят, к нему прислушивается сама императрица, – ответила она.

Еще на мгновение женщина задерживает взгляд на Виоли, затем быстро кивает.

– Держитесь от него подальше – все трое. Он не из дружеских, и я не хочу, чтобы вы его беспокоили.

Виоли быстро кивает. Последнее, что ей нужно, – это чтобы ее увидел Найджелус. Хотя они встречались всего один раз, она сомневается, что он из тех, кто забывает лица, и у него наверняка найдутся к ней вопросы.

С другой стороны, у Виоли и у самой есть несколько вопросов о том, что именно королевский эмпирей Бессемии делает так близко к Селларии, где в любой момент может лишиться головы.

Мерра показывает им троим комнатку с узкой койкой, умывальником и маленьким столиком, на котором стоит кувшин. Хотя комната скудно обставлена, в ней тепло, и это все, что нужно Виоли.

– Это лучшее, что я могу сделать, – говорит женщина. – Эмпирей и его спутники разместились в трех других моих комнатах.

– Все замечательно, – говорит Эмброуз. – Спасибо тебе, Мерра. Дай нам знать, что нужно сделать.

– Сегодня вечером – ничего, – говорит она. – Вы голодные и уставшие, от вас не будет никакой пользы. Обсудим все утром. Примерно через час можете спускаться на ужин.

Когда она уходит и они остаются только вдвоем, Виоли выпускает долгий выдох.

– Найджелус знает меня, – говорит она. – Он не должен

меня видеть.

Эмброуз и Леопольд обмениваются взглядами и кивают.

– Не уверен, что он меня не узнает, – признается Леопольд. – Думаю, он видел портреты.

– Если Мерра попросит помочь с работой, из-за которой вы окажетесь на виду, я все сделаю сам, – говорит Эмброуз.

– И все же должна признать, мне любопытно, что он здесь делает, – говорит Виоли. – Он верен императрице – я не представляю, что могло привести его в Селларию, кроме принцессы Беатрис.

Когда она произносит эти слова, глаза Леопольда округляются.

– Если императрица спланировала убийство Софронии...

– ...он может быть здесь для того, чтобы расправиться с Беатрис, – заканчивает Виоли. – Мерра упоминала, что с ним двое примерно нашего возраста. Я знаю, у императрицы много шпионов помимо меня. Возможно, с ним путешествуют именно они.

Эмброуз бледнеет.

– Самый главный вопрос в том, собираются ли они в Селларию, чтобы прикончить Беатрис, или уже сделали это и теперь возвращаются домой?

Дафна

Весь день после своей несостоявшейся свадьбы Дафна проводит, отдыхая в постели. Каждому, кто спрашивает о самочувствии, она говорит, что с ней все в порядке, ведь Аурелия залечила все синяки и царапины. Но никто не слушает, и все настаивают на том, что небольшой отдых ее не убьет. Дафна не так в этом уверена – ужасная скука делает перспективу смерти весьма привлекательной, но зато ей удастся написать и зашифровать письмо своей матери. Она пишет о том шаге, что предприняли повстанцы, и рассказывает ей все, что она знает об Аурелии, биологической матери Байра, которая обрела во Фриве печальную известность тем, что помогла Варфоломею занять трон и положить конец войнам кланов. Она подумывает рассказать матери о пророческом даре Аурелии, в том числе о том, как она предрекла смерть Софронии – *пролилась кровь звезд и величия*, – но сдерживается. Эта информация все равно не поможет императрице, а Дафна не хочет даже писать эти слова.

Однако на следующее утро, когда Клиона спрашивает Дафну, не хочет ли она присоединиться к ней в походе по магазинам на Уоллфрост-стрит, у девушки не получается быстро встать с постели. Хотя их последняя поездка на Уоллфрост-стрит закончилась тем, что Дафне приставили нож к горлу, это лучше, чем еще один день в этой забытой звезда-

ми комнате.

Пока они бок о бок едут через лес, отделяющий дворец от города Элдеваля, Клиона говорит ей, что на этот раз они едут туда не просто в поисках платьев или украшений.

– Король Варфоломей хочет дать понять, что нападение на свадьбе не напугало ни его, ни кого-либо из его семьи, – говорит Клиона.

Дафна бросает взгляд на десяток стражников, которые окружают их по бокам – на достаточном расстоянии, чтобы обеспечить девушкам уединение, но все же достаточно близко, чтобы прийти на помощь при первой же необходимости.

– Такое количество стражи может помешать донести до людей это послание, – указывает она.

Клиона пожимает плечами.

– Ну, король хочет казаться смельчаком, а не идиотом, – говорит она. – В конце концов, кто-то подорвал бомбу на твоей свадьбе.

– Ты подорвала бомбу на моей свадьбе, – шипит Дафна.

– Не говори глупостей, я ни черта не смыслю во взрывчатке, – говорит Клиона, после чего делает паузу. – Это была работа Хеймиша. И кроме того, целью была не ты. Тебе никогда не угрожала опасность.

Дафна закатывает глаза. Она верит, что Клиона говорит правду, но это не приносит ей особого утешения.

– Взрывчатка непредсказуема, – отмечает она. – Если бы Байр не оттащил меня за секунду до взрыва, полагаю, мы

сейчас не разговаривали бы. Кстати, надеюсь, больше никто этого не заметил.

Клиона ощетиливается.

– Никто не заметил, – говорит она. – Взрыв послужил неплохим отвлекающим маневром.

– И не только, – говорит Дафна. – Вы убили Фергала.

Она внимательно наблюдает за Клионой, но на ее лице нет и намека на вину. Она снова пожимает плечами.

– Вынужденная жертва, – говорит она. – Но нам нужна была лазейка.

От этих слов у Дафны сводит желудок, хотя она знает, что такого быть не должно. Да, Клиона хладнокровно описывает убийство, которое она помогла организовать, но ведь все то же самое могла бы сделать и сама Дафна. Но когда девушка закрывает глаза, то снова видит отделенную от тела голову Фергала. Неужели не было другого выхода? Поступила бы она на месте Клионы точно так же?

Дафна знает ответ, и это раздражает ее так же сильно, как и все остальное.

– Скажи мне, – говорит она, выбрасывая эту мысль из головы, – как именно вы убедили короля Варфоломея назначить его бывшую любовницу и мать Байра на освободившийся пост эмпирея?

– У него не было выбора, – говорит Клиона. – Эмпирей – большая редкость, и Варфоломей не может просто сидеть и ждать, пока здесь появится еще один. Кроме того, о проис-

хождении Байра ходят разные слухи, и ты – одна из шести человек, которые знают правду.

Дафна быстро подсчитывает – если правду знают она, Клиона, Варфоломей, Байр и Аурелия, то остается один человек. Дафна совершенно уверена, что это, должно быть, отец Клионы.

– Остается вопрос – зачем вам это? – спрашивает Дафна.

Клиона смотрит на нее, и уголок ее рта приподнимается в ухмылке.

– В прошлый раз, когда мы это обсуждали, принцесса, ты сказала, что не доверяешь мне. Так почему же я должна доверять тебе?

Она подгоняет свою лошадь, оставляя Дафну позади. Отпустив тихое ругательство на бессемианском, Дафна продолжает сердито смотреть в спину Клионе.

После того как они спешиваются и передают своих лошадей конюху, Дафна внимательно наблюдает за Клионой. Им предстоит продолжить путь по Уоллфрост-стрит пешком, чтобы пройтись по магазинам, но что самое важное – чтобы быть замеченными. Дафна понимает, что горожане наблюдают за ними, выглядывают в окна и выходят поприветствовать их на улицу. Некоторые достаточно смелы, чтобы позвать ее по имени и помахать рукой. С застывшей улыбкой Дафна машет в ответ.

Но все это время она держит Клиону в поле своего зре-

ния. В последний раз, когда они приезжали сюда, Клиона использовала прогулку как предлог, чтобы встретиться с миссис Наттермор, портнихой, которая хранит в своей кладовой оружие и боеприпасы. Но если у Клионы и есть скрытый мотив для сегодняшней поездки, Дафна его еще не нашла. Проходя по магазинам, они ведут праздную болтовню – Дафна уверяет любого, кто спросит, что у них с Байром все в порядке, что они ничуть не напуганы и с нетерпением ждут возможности провести свадьбу как можно скорее.

Клиона тратит деньги направо и налево, покупая изумрудные сережки, серые бархатные сапоги и горностаевую накидку, но в этом нет ничего необычного.

Они возвращаются во дворец как раз к ужину.

Ужин во дворце проходит в молчаливой обстановке. Дафна не находит в этом ничего удивительного, учитывая недавнее убийство и разрушение дворцовой часовни. Пару дней до этого она ела, не вставая с постели, так что впервые может лицезреть последствия нападения. Разъехались почти все гости, кроме крошечной горстки горных лордов. Настроения очень далеки от тех, что были на балу по случаю ее помолвки, где эль лился рекой, а гости были шумными и буйными. Теперь атмосфера больше напоминает похороны. Разговоры сводятся к простому бормотанию, и, похоже, почти никто не пьет алкоголь.

Сама Дафна сидит с Руфусом Кадрингалом по левую ру-

ку и Аурелией по правую, а Байр расположился прямо напротив. Однако сейчас он увлечен беседой с отцом Клионы, лордом Панлингтоном. Наблюдая за ними, Дафна задается вопросом о предмете их разговора.

Она бросает взгляд на короля Варфоломея, сидящего справа от Аурелии, во главе стола. Чувствует ли он меч, нависающий над его головой? Знает ли он, что та же женщина, что сняла звезду, чтобы он заполучил трон, теперь стремится его отнять?

Дафна до сих пор не понимает, почему Аурелия вообще присоединилась к повстанцам. Женщина сказала ей, что это из-за пророчеств, что дали ей звезды. Пророчеств, которые предупреждали о грядущей войне. Но она так и не сказала Дафне, что именно она в них услышала, кроме того, что будет пролита кровь звезд и величия. Но это пророчество уже исполнилось, когда Софронию казнили.

При этой мысли у Дафны сводит живот, и она опускает взгляд на свою полупустую тарелку.

– С тобой все в порядке? – спрашивает сидящий рядом с ней Руфус Кадрингал. – Ты выглядишь какой-то... зеленой.

На пару секунд он замолкает.

– Тебя же не отравили снова, правда?

Дафна заставляет себя улыбнуться Руфусу, потому что он выглядит искренне встревоженным. Она не может винить его; однажды он уже видел, как ее отравили – и это сделала его сестра.

– Я в порядке, – уверяет она его.

Она решает, что самое лучшее сейчас – просто сказать правду.

– Просто думаю о своей сестре Софронии.

Взгляд Руфуса смягчается.

– Я еще не выразил своих соболезнований, но я очень сожалею о твоей потере, – говорит он.

За последние несколько дней Дафна слышала подобные слова чаще, чем может сосчитать. Вежливые и небрежные соболезнования, на которые она отвечает вежливыми и небрежными благодарностями.

Но в словах Руфуса нет ни показной вежливости, ни небрежности. Дафна чувствует их тяжесть, чувствует, как они проникают ей под кожу. Ее это ужасно злит.

– Когда я приехала сюда, то думала, что никогда больше не увижу ни одну из своих сестер, – говорит она ему то, во что он должен верить, хоть и не то, во что верила сама Дафна. – Мы пошли разными путями, в разные жизни. В некотором смысле Софрония умерла для меня в ту секунду, когда наши экипажи покинули Бессемию.

– И все же вы писали друг другу, – говорит он.

Дафна пожимает плечами.

– Это не одно и то же. Я смирилась с тем фактом, что никогда больше не увижу ее улыбки, никогда не услышу ее смеха. Я не думаю...

Она замолкает.

– Мне все еще кажется, что это неправда. Что этого просто не могло случиться.

Дафна думает о Беатрис, и внезапно ей в голову приходит мысль о том, что Беатрис тоже может умереть. Возможно, она уже мертва. Могло ли это произойти? Что, если она действительно никогда больше не увидит своих сестер?

Внезапно она вспоминает ночь их шестнадцатилетия, когда они сбежали с вечеринки и спрятались наверху, в своей комнате, передавая друг другу бутылку шампанского и споря о том, кто из них первой осуществит планы своей матери и вернется домой.

– За семнадцать лет, – сказала Софрония, поднимая свой бокал с шампанским.

Дафна помнит, что засмеялась.

– О Софи, ты уже напилась? Нам по шестнадцать.

Но Софрония только пожала плечами.

– Я это знаю, – сказала она. – Но в шестнадцать мы должны попрощаться. К семнадцати мы снова вернемся сюда. И снова будем вместе.

Дафна подносит кружку с элем к губам, чтобы скрыть ту боль, которая могла отразиться на ее лице. Не то чтобы кому-то могло показаться странным ее состояние, учитывая все, что произошло за последние несколько дней. Но Дафна все равно считает это признаком слабости и не хочет продемонстрировать свою уязвимость, особенно тогда, когда она окружена волками.

Она отбрасывает все мысли о Софронии в сторону. *Сосредоточься*, думает она и затем поворачивается к Аурелии, которая едва притронулась к еде или элю. Вместо этого пожилая женщина оглядывает стол своими пронизательными серебряными глазами. Когда их с Дафной взгляды пересекаются, Аурелия приподнимает бровь.

– Поделишься со мной своими мыслями, принцесса Дафна? – спрашивает она.

– Боюсь, мои мысли вам не по карману, – отвечает Дафна, заставляя Аурелию рассмеяться.

– Приятно видеть, что после стольких бед ты не теряешь бодрости, – говорит она.

Натянутая улыбка не сходит с лица Дафны.

– Расскажите, как вам живется при дворе эту пару дней? – спрашивает она. – Едва ли вы чувствуете здесь себя как дома. И насколько я знаю, раньше вы специально держались отсюда подальше.

Аурелия пожимает плечами и делает маленький глоток своего эля. При этом взгляд Дафны приковывается к кольцу королевского эмпирея, которое она теперь носит на большом пальце – тому самому кольцу, которое Дафна видела на отрубленной руке Фергала.

– Я думаю, что ты, принцесса, как никто другой, понимаешь: мы должны идти туда, куда нас направляют, – говорит она. – Я уверена, что, будь у тебя право голоса, ты бы тоже не захотела приехать сюда.

Дафна не может с этим спорить – она часто завидовала судьбам своих сестер. Селлария с ее прекрасным климатом и пляжами и Темарин с его роскошной богатой столицей казались гораздо более интересными вариантами, чем скучный, холодный Фрив.

– Я выполнила свой долг, – говорит Дафна.

По правде говоря, теперь-то она знает, что, возможно, ей повезло больше, чем сестрам. Во Фриве тоже есть люди, которые хотят ее смерти, но они, похоже, гораздо менее талантливы.

– Как и я, – спокойно отвечает Аурелия.

Но в мои обязанности не входили убийства, думает Дафна. Но она не уверена, что это правда. Она убила нескольких наемных убийц в лесу, хоть это и было в целях самообороны. И все же если бы она получила от матери приказ кого-то убить, то сделала бы это.

Даже если бы это был Байр? – спрашивает голос в ее голове. – *Даже если бы это была Клиона?*

Этот голос похож на голос Софронии.

Дафна не хочет отвечать на эти вопросы, поэтому она задвигает их на задворки своего сознания. *До этого не дойдет*, говорит она себе. Дафна оглядывает стол, но все поглощены разговорами. На мгновение их с Байром взгляды пересекаются, но он отводит глаза и возвращается к разговору с лордом Панлингтоном.

– Скажите мне, – говорит Дафна, снова переводя взгляд

на Аурелию. – Звезды рассказали вам что-нибудь новое?

Дафна видит, как опускаются уголки рта Аурелии и как ее глаза начинают бесцельно бегать по сторонам.

– Нет, – осторожно говорит она. – Ничего нового.

– Вы не очень хорошая лгунья, – говорит ей Дафна.

Выражение лица Аурелии меняется, взгляд становится свирепым.

– Это не ложь. Я не услышала ничего нового.

– Но все же что-то вы слышали, – говорит Дафна.

– Я слышала то же самое, что и всегда, принцесса, – говорит Аурелия, выдерживая взгляд Дафны. – Пролилась кровь звезд и величия.

У Дафны скручивает живот, и хотя она сегодня почти не ела, ей все равно кажется, что ее может стошнить.

– Это про Софронию, – говорит она. – Пророчество уже осуществилось.

– Кажется, звезды расходятся с тобой во мнениях, – говорит Аурелия, но как бы небрежно ни звучали эти слова, Дафна видит напряженность на ее лице. В конце концов, в жилах самого Байра течет кровь звезд и величия. Как и в крови Дафны. И Беатрис. Когда Дафна разговаривала с ней в последний раз, она находилась во дворце Селларии под арестом.

Пролилась кровь звезд и величия.

Насколько Дафне известно, они трое – единственные из ныне живых людей, кто одновременно принадлежит к коро-

левскому роду и кто был тронут звездами. Байр, Беатрис и Дафна. Дафна не допустит, чтобы с кем-то из них что-то случилось.

– Звезды могут спорить со мной сколько угодно, – говорит Дафна Аурелии. – Но в этот раз они будут неправы.

Аурелия долго рассматривает Дафну.

– Ну, – говорит она наконец, – полагаю, все когда-нибудь случается в первый раз.

Беатрис

В общем зале гостиницы, куда спустились на завтрак Беатрис и Паскаль, нет никого, кроме них, и она этим очень довольна. Они с Найджелусом не разговаривали с тех пор, как приехали, и она не до конца понимает свой собственный статус. Принцесса в изгнании? Ученица эмпирея? Просто никто?

Только рядом с Паскалем ей не нужно никем притворяться.

– Я почти с нетерпением жду встречи с твоей мамой, – говорит ей Паскаль, откусывая кусочек тоста с маслом.

Должно быть, она бросает на него испуганный взгляд, потому что он фыркает. Юноша делает паузу, пока пережевывает и глотает еду.

– Не пойми меня неправильно – я в ужасе от этой перспективы, но после всего, что я услышал, будет интересно встретиться с ней лично.

Беатрис смеется и делает большой глоток кофе.

– *Интересно.* Забавный выбор слова. Она не станет приказывать тебе убить – ты все еще нужен ей, чтобы захватить Селларию, – но я сомневаюсь, что ты будешь чувствовать себя особенно желанным гостем во дворце.

Паскаль качает головой.

– Да. Но и в Селларианском дворце я тоже никогда не чув-

ствовал себя желанным гостем. На самом деле у меня были только ты, Эмброуз и...

Он замолкает, и Беатрис понимает, что он собирался сказать о Николо и Жизелле. Двоюродные брат и сестра были одними из его немногочисленных друзей, но они отвернулись от него.

– Ну, у тебя есть я, – весело говорит она, допивая свой кофе.

Хозяйка гостиницы все утро хлопочет по хозяйству, но она оставила на столе колокольчик на случай, если Беатрис и Паскалю что-нибудь понадобится. Беатрис тянется к нему, чтобы позвонить. Она не хочет беспокоить женщину, но после пары дней, проведенных в Сестринстве, ей мало одного завтрака.

– А у тебя – я, – говорит ей Паскаль с кривой улыбкой. – Но в чем, собственно, заключается план? Мы все равно что идем в логово ко львам.

– Отчасти, – со вздохом признается Беатрис. – Но мне нужно узнать, что она замышляет, но, похоже, ответа на этот вопрос нет даже у Найджелуса. В опасности не только я, но и Дафна, пусть даже она не верит...

Беатрис обрывается на полуслове. Все внимание Паскаля вдруг сосредотачивается где-то за ее плечом. Его глаза широко распахнуты, челюсть отвисла. Он выглядит так, словно там стоит привидение.

Беатрис оборачивается, чтобы посмотреть, на что он так

уоставился. В одно мгновение весь воздух словно покидает ее легкие. Там, в дверях, с тряпкой в одной руке и кофейником в другой стоит Эмброуз. Его волосы немного отросли, лицо явно нуждается в бритве, но он прямо перед ними, живой и невредимый.

Прежде чем Беатрис успевает сказать хоть слово, Паскаль вскакивает со стула, и они с Эмброузом сталкиваются посреди комнаты. Они просто обнимают друг друга, но Беатрис чувствует, что вторгается во что-то личное, поэтому обводит взглядом комнату до тех пор, пока они не отрываются друг от друга. Раскрасневшийся Эмброуз прочищает горло.

– Принцесса Беатрис, – говорит он, низко кланяясь.

Взгляд Беатрис возвращается к нему, и она улыбается.

– Я просила тебя называть меня Триз, Эмброуз, – упрекает она, поднимаясь на ноги и обнимая его. – Рада тебя видеть. Но где лорд Савель?

– На пути к Сильванским островам, – объясняет Эмброуз. – Когда я видел его в последний раз, он был в полном порядке, и у меня есть все основания полагать, что это не изменилось. Но Темарин бал захвачен...

– Я знаю, – говорит Беатрис, морщась при мысли о Софронии.

– Но король Леопольд здесь, со мной, – добавляет Эмброуз, понижая голос, хотя они и единственные люди в комнате. – Мы столкнулись друг с другом в дороге, и...

– Леопольд? – одновременно спрашивают Беатрис и Пас-

каль.

– Где? – добавляет Беатрис.

– В конюшне, – говорит Эмброуз, хмурясь. – Но...

Беатрис не дает ему шанса закончить и поспешно выходит за дверь, устремляясь прямо по коридору на улицу и не заботясь о кусающем кожу холоде. Король Леопольд здесь – он точно знает, что случилось с ее сестрой. И если он жив, тогда, конечно, есть шанс, что...

Когда Беатрис приближается к конюшням, ее сердце замирает. Король Леопольд с граблями в руке стоит, прислонившись к дверному проему. Он выглядит совсем не так, как на последнем портрете, который она видела, – старше, да, но и грубее, и он явно нуждается в ванне и стрижке. Но внимание Беатрис привлекло совсем не это.

Он увлечен разговором с девушкой, которая стоит к Беатрис спиной, но волосы которой того же светлого оттенка, что и у Софронии. Она такого же роста, с такой же фигурой. Впервые с тех пор, как Беатрис почувствовала, что ее сестра может быть мертва, в ее сердце загорается надежда.

– Софи! – кричит она, ускоряя шаг до бега. Ее сестра жива, она здесь, и Беатрис распахивает объятия, готовясь крепко обнять Софронию, чтобы никогда больше не отпустить, и...

Девушка поворачивается к ней, и Беатрис резко останавливается, безвольно опуская руки по бокам. Ее сердце снова разбито. Это не Софрония. Сходство есть, но это точно не

она. Беатрис сглатывает.

– Я... прошу прощения, – с трудом выговаривает она. – Я думала, ты...

Она смутно осознает, что Паскаль и Эмброуз идут следом за ней и что Леопольд и девушка смотрят на нее с зарождающимся пониманием.

– Принцесса Беатрис, – говорит девушка с бессемианским акцентом. Она выглядит такой же ошеломленной, как и Беатрис была удивлена, увидев ее, прежде чем поняла свою ошибку.

– Кто ты такая? – спрашивает ее Беатрис, придавая своему голосу стальные нотки и поднимая подбородок кверху, чтобы скрыть уязвимость, которую она только что случайно продемонстрировала.

– Это Виоли, – говорит Эмброуз, который уже оказался прямо у нее за спиной. – И, ну, я думаю, ты знаешь короля Леопольда или, по крайней мере, о нем.

Беатрис едва слышит его слова, едва чувствует, как Паскаль проходит мимо нее, чтобы поприветствовать своего кузена объятием и рукопожатием. Ее взгляд остается прикованным к Виоли, которая, кажется, с каждой секундой чувствует себя все более неуютно.

– Я видела тебя раньше, – говорит Беатрис. – Ты из Бессемии?

Виоли выглядит еще более смущенной, но кивает.

Фрагменты воспоминаний встают на свои места – Беатрис

уже не в первый раз думает о том, что эта девушка похожа на Софронию.

– Ты была в борделе, – говорит она наполовину себе, наполовину этой девушке. – Там, что сразу за дворцом. «Красный лепесток».

– «Алый лепесток», – тихо поправляет Виоли. – Да. Моя мать была... есть... она одна из куртизанок, что там работают.

В рамках своего обучения – обучения флирту и соблазнению – Беатрис посетила несколько борделей. Но даже несмотря на то, что она была в «Алом лепестке» всего один раз, тот визит был особенным, потому что ее сопровождала мать. Императрица не участвовала в уроке, и Беатрис так и не узнала, почему она решила пойти с ними и почему выбрала именно этот бордель.

Но это не может быть совпадением – ни тот визит, ни то, что Виоли оказалась сейчас здесь. И даже тот факт, что Виоли поразительно похожа на ее сестру.

– Ваша мать наняла меня, – выпаливает Виоли, прежде чем Беатрис успеет сказать это сама. – Меня направили в Темаринский дворец, чтобы я шпионила за Софронией.

Беатрис думает о последнем письме своей сестры к ней. О том, как Софрония призналась, что пошла против их матери, но что та была на шаг впереди нее, подделав письмо об объявлении войны Селларии. Тот, кто подделал и отправил это письмо, должен был находиться в Темарине.

Беатрис подходит на шаг ближе к Виоли, затем еще. Она сжимает руку в кулак и изо всех сил ударяет ее по лицу.

Виоли

Удар у принцессы Беатрис хорошо поставлен. Виоли, спотыкаясь, отступает на шаг. В глазах у нее темнеет, лицо пронзает острая боль. Леопольд протягивает руки, чтобы поддержать Виоли, но она отмахивается от него, поднимает руку к своему носу и морщится, потому что при малейшем прикосновении боль усиливается.

– Кажется, ты сломала мне нос, – ошеломленно говорит она.

– А мне кажется, что ты убила мою сестру, – отвечает Беатрис.

Какой-то юноша обхватывает Беатрис за плечи, и Виоли понимает, что он – единственное, что удерживает девушку еще от одного удара. Виоли почти уверена, что это принц Паскаль.

– Она этого не делала, – вмешивается Леопольд.

Виоли сплевывает в грязь у своих ног и замечает, что слюна почти полностью состоит из крови. Рот наполняется привкусом железа. Наконец, она снова переводит взгляд на Беатрис.

– Я этого не делала, – соглашается она. – Но я – причина, по которой она умерла.

Беатрис выглядит так, будто своими словами Виоли нанесла ей физический удар, а затем снова пытается вырваться

из рук принца Паскаля.

– Тебе станет легче, если ты снова меня ударишь? – спрашивает Виоли и, несмотря на то, что все ее тело протестует, подходит на шаг ближе.

– Может быть, и нет, – выпаливает Беатрис. – Но я хотела бы выяснить наверняка.

Беатрис удается вырваться из хватки Паскаля, и она снова бросается к Виоли, но та все равно не двигается с места.

– Тогда продолжай, – говорит Виоли, собираясь с духом. Может быть, Беатрис станет от этого легче. Может быть, от этого станет легче и самой Виоли. Может быть, это хотя бы немного притупит то острое чувство вины, в котором она утопает с тех пор, как лезвие гильотины опустилось на шею Софронии.

Виоли закрывает глаза и ждет, но нового удара не следует. Леопольд бросается между девушками и мягко, но твердо отталкивает Беатрис назад.

– Прекрати, – говорит он ей. – Если ты решила вершить правосудие, побереги немного и для меня.

– Не думай, что я о тебе забыла! – рычит на него Беатрис. – Я слышала, что ты идиот и трус, но почему-то ты сейчас стоишь здесь, а она...

Беатрис замолкает и подносит ко рту дрожащую руку. Как будто она может сохранить это слово запечатанным внутри и, не произнеся его, не позволит этому стать правдой.

Мертва.

– Потому что Софрония хотела, чтобы он остался жив, – тихо говорит Виоли. – И она доверила мне убедиться, что он таковым и останется.

Беатрис сглатывает, и Виоли видит, что ее ярость постепенно стихает. Хотя гнев все же читается в глазах девушки, когда она переводит взгляд с Виоли на Леопольда. Виоли думает о том, что глаза у Беатрис серебряные – точно такие же, как у Софронии. Такие же, как у нее самой, теперь, когда глазные капли, которые она использовала в Темарине, перестали действовать. Леопольд не заметил перемены, но это не удивительно, учитывая, что он на нее почти не смотрит.

– Что ты вообще тут делаешь? – огрызается Беатрис.

Виоли пожимает плечами, изо всех сил стараясь не обращать внимания на свой нос – он определенно сломан.

– Вообще-то, мы собирались спасти тебя.

Беатрис фыркает.

– Как видишь, мне не нужна ваша помощь.

Виоли не совсем в этом уверена.

– Ты путешествуешь с Найджелусом? – спрашивает она.

Беатрис бросает взгляд на Паскаля. В ее глазах вспыхивает неуверенность, но она быстро берет себя в руки.

– Мы, – говорит она, поднимая подбородок.

Виоли, как ни старалась, никогда не могла разглядеть в Софронии императрицу Маргаро. К лучшему или к худшему, но она была полной противоположностью своей матери во всех отношениях. Но с Беатрис все не так. Под ее взгля-

дом Виоли начинает казаться, что она снова оказалась на приеме у императрицы. Но Софрония любила своих сестер, и Виоли не может допустить, чтобы их постигла та же участь, что и ее.

– Ты не должна ему доверять, – говорит ей Виоли. – И твоей матери тоже.

Беатрис пронзительно смеется.

– Могу тебя заверить, я никогда в жизни не доверяла своей матери, – говорит она. – И не собираюсь начинать.

Она смотрит на Виоли еще мгновение.

– Вы ведь знаете, что это она ответственна за смерть Софронии, – говорит Беатрис.

Стоящий рядом с Виоли Леопольд кивает.

– Софрония тоже это знала, – говорит он. – Прежде чем она... прежде чем мы расстались, один из повстанцев рассказал ей, что он работал с императрицей и что все это было организовано ею задолго до того, как мы поженились. Все, включая казнь Софронии.

Мгновение Беатрис выглядит так, словно ей плохо, но затем ей удается кивнуть:

– Найджелус сказал мне то же самое. И что, если бы заговоры, которые она плела в Селларии, увенчались успехом, я бы тоже уже была мертва.

– Найджелус рассказал тебе? – спрашивает Виоли, нахмурившись. – Зачем ему это делать? Он тоже участвовал в ее заговорах.

– Как и ты, – добавляет Беатрис.

В ее голосе больше нет обжигающей ярости – только холод. Виоли вдруг понимает, что предпочла бы вернуть прежний вариант.

– Я еще не нашла ответа на этот вопрос, но найду.

– Но ты не можешь ему доверять, – говорит Виоли.

Беатрис бросает взгляд на Паскаля, и кажется, что они ведут безмолвный разговор. Очевидно, они близки, но в воздухе между ними не ощущается никакого напряжения – в отличие от Софронии и Леопольда. Если Виоли права – а она редко ошибается, – сердце Паскаля принадлежит Эмброузу.

– На данный момент он мне нужен, – говорит Беатрис, и Виоли понимает, что она очень аккуратно подбирает слова. – Доверие тут ни при чем.

Она делает паузу.

– Как видите, мы вряд ли нуждаемся в спасении, – добавляет она, бросая взгляд на Паскаля, прежде чем снова повернуться к Виоли и Леопольду. – Так что вы будете теперь делать?

Виоли пожимает плечами и смотрит на Леопольда, который выглядит еще менее уверенно.

– Отправимся во Фрив, – говорит он. – Не уверен, что могу быть в безопасности где-то еще.

– Не можешь, – соглашается Беатрис. – Моя мать хочет твоей смерти, а власть Николо на селларианском троне еще не прочна. Если, казнив тебя, он сможет ее укрепить, то сде-

лает это без колебаний. Но я не уверена, что рядом с Дафной ты будешь в безопасности. Она – целиком и полностью подобие нашей матери.

В ее словах сквозит горечь, но прежде чем Виоли успевает спросить, что она имеет в виду, Беатрис поворачивается к ней.

– А ты что будешь делать? – спрашивает она. – Последуешь за королем Леопольдом во Фрив?

Виоли натянуто улыбается.

– Похоже, у меня нет выбора, – говорит она. – Я дала Софи обещание и намерена держать его до конца.

Она колеблется, но с ее губ все же срывается просьба, на которую она, очевидно, не имеет права.

– Я не сомневаюсь, что нахожусь в самом низу списка людей, которым ты могла бы оказать услугу, – осторожно говорит она.

Беатрис поднимает брови.

– Смело предполагать, что ты вообще есть в этом списке, – холодно говорит она.

Виоли игнорирует колкость.

– Я начала работать на твою мать, потому что она пообещала, что исцелит мою. У нее вексис. Найджелус использовал звездную магию, чтобы ее вылечить, но твоя мать ясно дала понять, что, если я пойду против нее...

Она замолкает, но Беатрис прекрасно понимает, что девушка имеет в виду.

– Ее зовут Авалис Бланшетт. Последнее, что я слышала, – это что она все еще в «Алом лепестке».

– Зная мою мать, очевидно, что за мной установят слежку, – говорит Беатрис, и, несмотря ни на что, в ее голосе слышится искреннее сожаление. – Она не должна знать, что наши пути пересеклись.

– За мной следить не будут, – говорит Эмброуз, кивая Виоли. – Я разыщу ее, как только смогу. Ты хочешь, чтобы я передал ей что-нибудь от тебя?

Если она все еще жива, думает Виоли прежде, чем успева-ет себя остановить. Ее желудок сжимается при мысли о женщине, которая ее вырастила, которая каждую ночь заплетала ей волосы, которая научила ее петь, танцевать и лгать. Она не может думать о жизни в мире, где нет ее матери, о том, что могла позволить ей умереть в одиночестве. Она сойдет с ума, если будет об этом думать. Девушка прочищает горло:

– Просто... что я люблю ее. И что скоро мы снова увидимся.

Беатрис

Тем же днем за ужином Беатрис говорит Найджелусу, что завтрашним утром Эмброуз отправится в путь вместе с ними. Он этому не рад, но и не выказывает недовольства. Кажется, его удовлетворила история о случайном появлении Эмброуза в той же гостинице, но Беатрис никогда не могла до конца понять, о чем думает эмпирей. Его взгляд перемещается с Беатрис на Паскаля, затем на Эмброуза и снова возвращается к Беатрис.

– Полагаю, тебя не отговорить? – мягко спрашивает он.

– Нет, – отвечает Беатрис. – Еще мне нужен один флакон звездной пыли и пятьдесят астр.

Найджелус хмурится и поджимает губы.

– Зачем? – спрашивает он.

Беатрис лишь улыбается.

– Эмброуз много задолжал, так ведь? – спрашивает она, взглянув на него.

Мгновение Эмброуз выглядит смущенным, но затем кивает:

– Да, это так. Я в долгу перед Меррой... э-э-э... хозяйкой гостиницы.

– Пятьдесят астр – это большие деньги, – замечает Найджелус ровным голосом, и Беатрис снова не может догадаться, какие мысли на самом деле сейчас посещают его голову. –

Не говоря уже о звездной пыли. Сколько же ты пробыл в этой гостинице, Эмброуз?

– Он играет в азартные игры, – выпаливает Паскаль. – Задлый игрок. Я пытался заставить его прекратить, но с тех пор, как наши пути разошлись, он успел снова попасть в беду.

Он изображает тяжелый вздох, и хотя великим лжецом его не назовешь, Беатрис вынуждена признать, что получилось неплохо. Во всяком случае, все уже не так безнадежно, как раньше. Эта мысль приносит ей облегчение, но в то же время навеивает грусть.

– Это не составит для тебя большого труда, – с улыбкой говорит Беатрис Найджелусу. – Я уверена, что денег у тебя полно, пусть даже конкретно эта поездка и не финансируется моей матерью.

Глядя на нее, Найджелус слегка прищуривается и качает головой.

– Хорошо, я рассчитаюсь с долгами хозяйке перед отъездом завтра утром.

– В этом нет необходимости, – вмешивается Беатрис и, хотя кроме них в комнате никого нет, понижает голос: – Хозяйке гостиницы не пристало играть в азартные игры. Она ужасно смущена этой привычкой и попросила, чтобы я принесла ей оплату сегодня вечером, когда ее мужа и детей не будет рядом.

Найджелус долго смотрит на девушку, и теперь у нее нет

сомнений, что он видит ее ложь насквозь – в конце концов, история не слишком хороша. Но при данных обстоятельствах на большее она не способна. И в конце концов не имеет значения, верит ли он ей. Он все равно даст Беатрис деньги и звездную пыль, потому что ему нужно, чтобы она продолжала играть в его игру – по крайней мере, пока что.

Спустя, казалось бы, целую вечность он лезет во внутренний карман своего плаща и достает бархатный мешочек на шнурке. Беатрис наблюдает, как он отсчитывает пять серебряных монет – каждая достоинством в десять астр.

– А звездная пыль? – спрашивает она. – У тебя ведь еще осталось?

По правде говоря, в этом нет острой необходимости, но она чувствует себя немного виноватой из-за сломанного носа Виоли.

Найджелус тяжело вздыхает, но затем лезет в другой карман и вытаскивает маленький стеклянный флакон с мерцающей серебристой пылью. Эмпирей протягивает монеты и флакон Беатрис, но когда она тянется за ними, он кладет другую руку поверх ее руки и ловит в ловушку.

– Считай это одолжением, принцесса, – говорит он.

Беатрис выдерживает его взгляд.

– Как и все остальное, Найджелус, – говорит она ему. – Ты спасаешь меня, спасаешь Паскаля, помогаешь нам добраться до Бессемии, тренируешь меня. Это все одолжение. Мы оба это знаем. Просто добавь это к моему долгу.

Найджелус не отвечает, но отпускает ее руки и позволяет ей собрать монеты и звездную пыль. Она засовывает их в карман собственного платья и отодвигает свой стул.

– А теперь прошу меня извинить, но я неважно себя чувствую и хотела бы хорошенько выспаться, прежде чем мы продолжим наше путешествие на север.

Прежде чем выйти из-за стола, она бросает взгляд на Эмброуза и Паскаля, и они почти незаметно ей кивают – они знают, что нужно делать: любыми средствами удержать Найджелуса за столом в течение следующих двадцати минут.

Когда Виоли открывает дверь, Беатрис быстро окидывает взглядом комнату, чтобы убедиться, что они одни.

– Где Леопольд? – спрашивает Беатрис, не дожидаясь приглашения и протискиваясь мимо Виоли в комнату.

– Помогает мыть посуду, – говорит Виоли, закрывая дверь. Они погружаются в неловкое молчание. Ее нос покрыт черно-синими пятнами, но какой бы сильной ни была боль, она хорошо ее скрывает. У Беатрис складывается впечатление, что это далеко не самое худшее, что пережила девушка.

– Все это рискованно, – продолжает она. – Но со мной Найджелус встречался лично, а Леопольда он знает только по портретам. Мы подумали, будет лучше, если я не буду выходить.

– Уверена, твой нос тоже вызвал бы несколько вопросов, – мягко говорит Беатрис.

Глаза Виоли сужаются.

– Пришла насладиться этим? – спрашивает она, осторожно дотрагиваясь до носа и вздрагивая. – Признаю, удар получился хорошим.

– И вполне заслуженным, – выпаливает Беатрис в ответ, прежде чем залезть в карман своего платья и вытащить пuzырек со звездной пылью и монетами.

– Для вашего путешествия на север, – говорит она, вкладывая монеты в руку Виоли. – Вы можете взять билет до Фрива в Эвеленской гавани.

Беатрис подозревает, что, если бы она попыталась отдать монеты Леопольду, гордость вынудила бы его отказаться, но Виоли легко принимает деньги из ее рук.

– Спасибо, – говорит она. Ее взгляд устремляется к пuzырьку со звездной пылью, но она не пытается его забрать.

– Как я и сказала, твой нос может привлечь внимание и вызвать ненужные вопросы, – говорит Беатрис. – Ты раньше пользовалась звездной пылью?

Когда Виоли качает головой, Беатрис вздыхает.

– Важно правильно сформулировать желание, иначе оно не сработает. Я помогу тебе.

Виоли, нахмутив брови, смотрит на Беатрис еще секунду.

– Почему? – спрашивает она.

Это не тот вопрос, на который Беатрис хочет отвечать.

– Ты пыталась спасти ее, – говорит она через мгновение. Это не вопрос, но Виоли все равно отвечает.

– Да, – говорит она хриплым голосом. – Но она не хотела быть спасенной без Леопольда.

Беатрис так сильно прикусывает нижнюю губу, что боится, как бы не пошла кровь.

– Знаешь, она была от него без ума еще до их встречи, – говорит принцесса, посмеиваясь. – Я уверена, что ты в курсе. Моя мать наверняка дала тебе всю необходимую информацию.

Виоли ничего не отрицает.

– Я слышала, что он вел себя как идиот, – продолжает Беатрис. – Он довел Темарин до обнищания.

– Да, – неуверенно соглашается Виоли. – Но на самом деле все было немного сложнее. Его мать...

– Да, я знаю, – перебивает Беатрис. – Софи рассказала мне о том, как Евгения использовала Леопольда, чтобы разорить страну. Софи думала, что королева работает сообща с королем Чезаре, но на самом деле это были двоюродные брат и сестра Паса. И все же Леопольд не безупречен, не так ли?

Виоли на мгновение задумывается над ее вопросом.

– Нет, – говорит она. – Но, как бы то ни было, я верю, что он любил Софи так же сильно, как она любила его.

Она делает паузу.

– Когда он появился в той пещере, где мы должны были встретиться, то без конца выкрикивал ее имя. Несмотря на всю опасность, он настоял, чтобы мы вернулись в Кавелле, и был полон решимости ее спасти. Мы прибыли как раз в тот

момент, когда все случилось.

Беатрис крепко закрывает глаза, с усилием переводя дыхание.

– Значит, ты все видела, – тихо говорит она.

– Да, – говорит Виоли.

Беатрис заставляет себя открыть глаза и посмотреть на девушку. Она не хочет задавать следующий вопрос, но ей нужно услышать ответ.

– Я все еще не могу поверить, что она действительно мертва. Я продолжаю думать, что, возможно, это уловка, что она сбежала, что они казнили не ту девушку, приняв ее за Софи. Полагаю, это нелогично, но я этого не видела, поэтому не могу не думать, что, может быть...

Она делает паузу.

– Но ты все видела. Она действительно мертва? Чуда не случится?

– Нет, – тихо говорит Виоли, ее пробирает дрожь. – Нет, она... Я видела, как она умерла. Тут сложно ошибиться.

Плотно сжав губы, Беатрис кивает. Она не будет плакать. Не здесь, не перед этой незнакомкой, которая, по ее собственному признанию, отчасти виновна в смерти Софронии.

Через мгновение Беатрис продолжает:

– Моя мама всегда говорила, что Софи – самая слабая из нас, но она была самой лучшей, – говорит она тихим голосом. – И я не остановлюсь, пока моя мать не заплатит за то, что она сделала.

Виоли медленно кивает.

– Я помогу, – говорит она. – И Леопольд тоже. Когда мы доберемся до Фрива и поговорим с Дафной...

Беатрис прерывает ее холодным и жестоким смехом.

– Я уже просила Дафну о помощи, – говорит она ей. – И Софи ее просила. Но Дафна – безжалостная стерва, и она предана нашей матери. Да, вы можете искать у нее убежища, потому что она – единственная надежда, которая у вас осталась, но, ради всех звезд, не доверяйте ей.

Она делает паузу, вертя в руках флакон со звездной пылью и тщательно взвешивая свои следующие слова.

– Моя мать завербовала тебя не просто так, – говорит она. – Очевидно, ты умеешь собирать информацию, оставаясь незамеченной. Ты умеешь шифровать письма?

Виоли кивает.

– Я прошла все те же уроки, что и вы с сестрами, хоть и в сокращенном варианте, – говорит она.

– Хорошо, – говорит Беатрис, поджимая губы и откупоривая флакон со звездной пылью. Ничего не добавив, она размазывает черную пыль по тыльной стороне ладони.

– *Я хочу, чтобы нос Виоли больше не был сломан.* Постарайся не кричать.

– Что... – начинает Виоли, но затем резко замолкает. Поднеся руки к носу, она выпаливает ругательства и на бессемианском, и на темаринском. Беатрис ничего не говорит, просто ждет, пока девушка возьмет себя в руки. Довольно быст-

ро Виоли замолкает и убирает руки от лица, открывая нос, который, хотя и покрыт фиолетовыми пятнами, теперь выглядит прямым.

– К завтрашнему дню все должно прийти в норму, – говорит Беатрис. – И теперь ты работаешь на меня. Я хочу, чтобы ты следила за моей сестрой. Я хочу знать все, что она делает. Самый лучший вариант – это если ты сможешь перехватывать письма между ней и моей матерью.

Беатрис сглатывает, думая о Дафне, которую она знала всю свою жизнь. Да, порой сестра сводила ее с ума, но она все равно всегда ее любила. Беатрис всегда верила, что в конце концов сестра будет на ее стороне, но она не помогла им и позволила Софронии умереть.

– Но если со временем она станет угрозой, ты остановишь ее. Любыми средствами, – добавляет она холодно.

Виоли выглядит удивленной.

– Ты хочешь, чтобы я убила ее? – спрашивает она. – Она же твоя сестра.

– Да, – говорит ей Беатрис. – Я люблю ее, но ей нельзя доверять, и было бы ошибкой ее недооценивать.

Сейчас на карту поставлена не только жизнь Беатрис, но и жизни Паскаля, Леопольда, Эмброуза, Виоли и многих других.

– Моя мать превратила нас в оружие, ты знаешь это лучше прочих. Я не позволю ей использовать Дафну, чтобы причинить вред еще кому-то, кто мне дорог.

Дафна

Дафна выпускает еще одну стрелу и с растущим разочарованием наблюдает, как она попадает в край мишени. С ее губ почти срывается очень неприглядное ругательство, но ей удается себя сдержать. В конце концов, она здесь не одна. Девушка оглядывается назад, туда, где ее ждут шестеро стражников. Трое наблюдают за ней, трое стоят к ней спиной и наблюдают за окружающим их лесом в поисках любых признаков угрозы.

Она понимает, зачем они здесь, и после нескольких покушений на ее жизнь даже рада их присутствию. Но она знает, что так плохо стреляет сегодня именно потому, что находится под их внимательными взглядами. В отличие от Беатрис, Дафне неуютно в присутствии публики.

Снова подняв лук, Дафна заставляет себя сделать глубокий, успокаивающий вдох и пытается полностью игнорировать присутствие стражников. *Их там нет. Есть только она, лук в ее руке и мишень перед ней. Ничего другого не существует. Ничего...*

Пока она выпускает стрелу, один из стражников что-то выкрикивает, и выстрел проходит мимо цели.

– Звезды над головой, – огрызается она, поворачиваясь к стражнику. Однако ее раздражение проходит, как только она видит, кто к ним приближается. Это Байр, и он выглядит

встревоженным.

На какое-то мгновение Дафна решает, что он, возможно, собирается к ней присоединиться. Прошло несколько недель с тех пор, как они тренировались вместе, и она обнаружила, что скучает по его компании. Его компания никогда не влияла на ее меткость. Но когда он останавливает свою лошадь рядом с ней и ее охраной, то не спешивается.

– Мой отец просит тебя вернуться во дворец, – говорит он ей с таким непроницаемым взглядом, что у Дафны сжимается сердце.

– Все в порядке? – спрашивает она его, пока ее разум прокручивает множество вещей, которые могли пойти не так с тех пор, как она покинула дворец всего час назад.

– Прекрасно, – быстро заверяет он ее. – Все в порядке. Но у нас посетитель.

– Посетитель? – спрашивает Дафна, еще более озадаченная. Многие из горных кланов уехали после неудавшейся свадьбы, и едва ли они захотели вернуться так скоро. А что касается гостей с юга... ну... никто не приезжает во Фрив.

– Из Темарина, – говорит он ей.

Воздух покидает легкие Дафны. *Софрония*. Нет. Этого не может быть. Софрония мертва. Но на самую малую долю мгновения сердце Дафны наполняется надеждой. Байр, должно быть, это замечает, потому что выражение его лица смягчается.

– Нет, – говорит он, качая головой. – Нет, не... это кое-

кто другой.

В сердце Дафны вбиваются когти смущения. Конечно, это не Софрония. Она была дурой, надеясь, что это может быть она, и еще большей дурой, потому что позволила кому-либо увидеть в ее глазах проблеск надежды. Она прячет свое разочарование за холодной маской и поднимает подбородок.

– Так кто это? – спрашивает она.

Байр прочищает горло, бросая взгляд на стражников, которые только притворяются, что не слушают.

– Королева Евгения и двое ее сыновей, – говорит он ей, понижая голос до шепота. – Они пришли просить политического убежища.

Дафна крепче сжимает лук в руке.

– Ее сыновья, – вторит она. – И король Леопольд тоже?

Дафна знает, что у вдовствующей королевы Темарина есть трое сыновей, и если бы король Леопольд был среди них, Байр наверняка упомянул бы его отдельно, но все же она должна спросить. Она должна быть уверена.

– Нет, – говорит Байр. – Двое младших – дети, которые выглядят так, словно увидели, как погасли звезды.

«Увидели, как погасли звезды» – это фривийское выражение, происхождение которого Дафна не до конца понимает, но все же его смысл стал ей почти понятен. И оно вполне уместно для описания детей, переживших государственный переворот.

Как же они смогли его пережить, удивляется Дафна. И по-

чему из всех мест выбрали именно Фрив, ведь он никогда не был известен своим гостеприимством. Несомненно, Евгении повезло бы больше на ее родине, в Селлариис.

Что ж, есть только один способ выяснить, что она здесь делает. Дафна убирает лук обратно в колчан и, подойдя к Байру, протягивает ему руку. Одной рукой он хватается за ладонь, а другой – за локоть и помогает подняться, чтобы она села перед ним. Седло не предназначено для дамы в платье, но Байр надежно обнимает ее рукой за талию, так что они вполне смогут доехать до дворца.

Когда Дафна и Байр возвращаются во дворец, он ведет ее по лабиринту залов, в которых она, наконец, начинает ориентироваться. Когда на одной из развилок он поворачивает налево, Дафна понимает, что они идут не в тронный зал, и замедляет шаг. Байр замечает это, но легонько тянет ее за руку, призывая следовать за ним.

– Это частная аудиенция, – говорит Дафна, заметив, что он ведет ее к крылу королевской семьи. – Твой отец не хочет, чтобы двор знал об их прибытии. Во всяком случае, пока.

Байр не отвечает, но Дафна понимает, что она права. В этом есть смысл. Фрив гордится своей независимостью, и король Варфоломей знает, что многие из его подданных осуждают его за слишком тесные отношения с другими странами. Особенно с Бессемией, учитывая помолвку Дафны и Байра. Поэтому он, конечно, не хочет, чтобы люди узнали, что у него ищет убежища вдовствующая королева Темарина.

Дафна отодвигает эти мысли в сторону, но задается вопросом, сможет ли она как-то использовать эту информацию.

Байр подходит к библиотеке, толкает дверь и пропускает ее внутрь.

Библиотека – любимая комната Дафны в дворце – уютное помещение с окнами от пола до потолка и мягкими диванами, расположенными вокруг самого большого из трех каминов. Это любимое место и короля Варфоломея тоже, и она часто встречает его здесь ранним утром или вечером. Обычно он читает какой-нибудь томик стихов или роман – книги, которые мать Дафны назвала бы бесполезными и не стоящими внимания.

Варфоломей стоит у большого окна, но плотные бархатные шторы задернуты, погружая комнату в темноту, которую смягчают только три горящих камина. В комнате достаточно тепло, но у женщины, которая сидит на мягком диване, на коленях лежат меховые одеяла, а по обе стороны от нее приютились мальчишки. Королева Евгения и ее младшие сыновья, понимает Дафна.

Она перебирает в памяти все, что знает об этой женщине. Евгения – младшая сестра короля Чезаре, родилась принцессой в Селларии и вышла замуж за темаринского короля Карлайла в возрасте четырнадцати лет. Этот союз положил конец долгой войне между двумя странами и на какое-то время обеспечил мир. Судя по всему, брак не был консумирован, пока ей не исполнилось шестнадцать, а королю Карлайлу –

восемнадцать, и даже после этого они с королем никогда не были особенно близки, хоть он и относился к ней с толикой уважения. Однако толика уважения – это уже гораздо больше, чем готова была предложить ей большая часть темаринского двора.

Но Евгения пережила это, и когда король Карлайл умер, оставив пятнадцатилетнего принца Леопольда своим преемником, Евгения правила вместо него. Дафна вспомнила, что императрица называла Евгению самым могущественным человеком в Темарине.

Софрония должна была заменить ее в этой роли, сделать так, чтобы Леопольд перешел под ее влияние.

Окидывая взглядом королеву Евгению, Дафна задается вопросом, как так получилось, что Софрония мертва, а Евгения здесь, жива и невредима? Ну, почти невредима – на левом виске женщины расплылся большой синяк.

У Дафны столько вопросов, но она пока не может их задать. Вместо этого она натягивает на лицо улыбку и подходит к королеве Евгении, протягивая руки, чтобы взять женщину за пальцы и сжать ее ладони в своих.

– Ваше Величество, – говорит Дафна, присаживаясь в реверансе. – Это такое облегчение – видеть, что вы благополучно выбрались из Темарина. Весть о восстании достигла Фрива, и мы все были ужасно обеспокоены.

– Принцесса Дафна, – говорит королева Евгения, пока ее глаза изучают лицо девушки. – Вы – точная копия вашей до-

рогой сестры, да благословят звезды ее душу.

Это ложь. Единственное заметное сходство между Дафной и Софронией – это их серебристые глаза. Волосы Дафны черные, а у Софронии они были светлыми; черты лица Дафны – резкие, у Софронии – мягкие; фигура у Дафны прямая, как палка, в то время как Софрония была обладательницей пышных форм. Любой, кто их не знал, мог бы решить, что они вообще не связаны родством.

– Спасибо, – говорит Дафна, опуская глаза и делая вид, что сдерживает слезы. – А это, должно быть, мои новые юные братья, – говорит она, глядя на двух мальчиков, стоящих по бокам от королевы. Одному около четырнадцати, другому – примерно двенадцать. Гидеон и Рид. Они оба смотрят на нее широко раскрытыми глазами, но не говорят ни слова. Дафна делает мысленную пометку найти их позже и поговорить наедине – дети, как она знает, служат главными источниками информации, потому что часто не имеют ни малейшего представления о том, что они должны хранить в секрете.

Стоящий позади нее король Варфоломей прочищает горло.

– Королева Евгения ищет убежища здесь, во Фриве, – говорит он. – Она считает, что, если вернется в Темарин, ее тоже казнят.

Так же, как и Софронию, думает Дафна. Она ценит, что король Варфоломей не говорит этого вслух.

– О, – говорит Дафна, хмуря брови и поглядывая на Вар-

фоломея. – У меня сложилось впечатление, что Темарин сейчас под властью моей матери. Разве это не так? Она написала мне, что передаст трон Леопольду, как только он будет найден. Вы знаете, где он?

Вот оно – ноздри Евгении слегка сужаются, и Дафна понимает, что она что-то скрывает.

– Боюсь, он мертв, – говорит Евгения, крепко прижимая к себе своих младших сыновей. – Я писала вашей матери. Ее армия захватила главных мятежников, но она считает, что нам еще небезопасно возвращаться. Императрица предложила нам приехать во Фрив, пока все не успокоится.

– Неужели? – спрашивает Дафна, изо всех сил пытаюсь скрыть свое замешательство – почему мать не написала ей об этом?

– На самом деле у меня даже осталось ее письмо, – говорит королева Евгения, доставая из кармана своего платья свернутый лист и передавая его Дафне, которая разворачивает бумагу и бегло просматривает слова. В письме всего несколько коротких строк, выведенных рукой ее матери – она узнала бы этот почерк где угодно, – но оно вызывает больше вопросов, чем ответов.

Дорогая Евгения,

мы должны действовать осторожно – разыщите мою голубку Дафну во Фриве. Я верю, что она даст вам приют столько, сколько вы будете в нем нуждаться. Дайте мне

знать, если услышите что-нибудь от короля Леопольда – он должен вернуться на трон, а до тех пор я за всем прослежусь.

*Ваша подруга,
императрица Маргаро*

Даже если бы Дафна не узнала почерк своей матери, то поняла бы, что письмо подлинное. Мать называла Дафну, Беатрис и Софронию своими голубками только наедине. Но в письме, которое она получила, ни слова о том, как она поступит с Евгенией. Она обдумывает это, передавая письмо обратно в руки женщине.

– Дафна, – говорит король Варфоломей низким ровным голосом. – На пару слов, если можно.

Дафна кивает и, отвернувшись от королевы Евгении, следует за королем Варфоломеем в тихий уголок библиотеки, вне пределов слышимости королевы и принцев. Байр следует за ними, и морщина на его лбу пролегает глубже, чем обычно.

– Дафна, – снова говорит король Варфоломей. – Фрив издревле воздерживается от конфликтов с другими странами, и на то есть веские основания.

– Да, конечно, – быстро говорит Дафна, пока наводит порядок в своих мыслях. Возможно, она не знает, как поступать с Евгенией, но, очевидно, мать хочет, чтобы та осталась здесь. А это значит, что ей нужно убедить короля Варфоломея дать на это разрешение.

Она быстро продумывает свою тактику. У Варфоломея нет причин помогать Евгении, ведь это не принесет пользы ни Фриву, ни ему самому и, скорее всего, лишь вызовет всеобщее недовольство, а в текущей ситуации Варфоломей не может позволить себе потерять еще больше союзников. Евгении и самой нечего ему предложить. Но король Варфоломей – хороший человек, и этой слабостью Дафна уже пользовалась ранее, причем весьма успешно.

Поэтому Дафна прикусывает нижнюю губу и бросает взгляд через плечо на королеву Евгению и ее сыновей.

– Простите, Ваше Величество, я знаю, что прошу многого, но я... я не могу не думать, что моя сестра наблюдает за мной со звезд и что она хотела бы, чтобы я помогла уберечь Евгению от той же участи, что постигла ее, и...

Она замолкает, сглатывает и снова переводит взгляд на встревоженного короля Варфоломея.

– И вы слышали – ее собственный сын, скорее всего, мертв. Я понимаю, что ситуация сложная, но мне невыносима мысль о том, чтобы бросить скорбящую мать на растерзание волкам, ведь на самом деле мы в силах предложить ей и детям хотя бы какую-то защиту.

Это жестоко – использовать в качестве рычага давления то, что у короля тоже умер сын, но эта жестокость срабатывает. Дафна видит вспышку ужаса в его глазах. Он смотрит на королеву Евгению с жалостью и пониманием.

– Конечно, я бы так не поступил, – быстро говорит он.

Байр смотрит на Дафну так, словно впервые ее видит, но ему удается оторвать от нее взгляд и посмотреть на своего отца.

– Я не уверен, что это хорошая идея. Последнее, что нужно Фриву, – это ввязываться в невыгодную для себя войну, – говорит он.

Король Варфоломей качает головой.

– Конечно, ситуация не из простых, – говорит он со вздохом. – Но я не вижу здесь другого выхода. Мы будем держать их присутствие в секрете. Никто не должен знать, кто они такие. Мы можем придумать историю, рассказать людям, что она темаринская вдова какого-нибудь горного лорда.

– Никто в это не поверит, – говорит Байр. – Достаточно скоро все узнают правду.

– Надеюсь, к этому времени у нас будет чуть больше представления о том, что делать дальше, – говорит король Варфоломей. – Но они останутся, и точка, Байр.

Не давая Байру возможности ответить, король Варфоломей возвращается к королеве Евгении и, улыбаясь, обещает ей защиту Фрива.

Дафна выскользывает из библиотеки в коридор, Байр следует за ней по пятам. Он тянется к ее руке, но она вырывается ее из его хватки и продолжает идти. Ее взгляд устремляется на стражников, которые собираются сопровождать ее обратно в ее комнату.

– Дафна, – говорит Байр, и его взгляд тоже мечется между

стражниками. Почему он смотрит так внимательно? Неужели пытается понять, кто из них на стороне мятежников – на его стороне?

– Не сейчас, – огрызается она, и он замолкает. Когда они добираются до ее комнаты, Дафна не удивляется, что он идет следом и закрывает за собой дверь, загораживая их от любопытных глаз и ушей стражи.

– Ты не должен этого делать, – говорит она ему с тяжелым вздохом, снимая плащ и вешая его на спинку кресла у камина. – Последнее, что нам нужно, – это чтобы поползли сплетни о том, как мы оставались наедине.

– Меня не волнуют сплетни, – говорит он, и Дафна фыркает от смеха.

– Конечно, не волнуют, – говорит она. – Они повредили бы моей репутации, а не твоей.

Он отвечает не сразу, но Дафна видит, как у него на лице дергается мускул. Он наконец понимает, что она имеет в виду.

– Тогда мне стоит уйти? – спрашивает он.

– Уже ничего не исправить, так что можешь присоединиться ко мне за чаем, – говорит она, садясь за маленький деревянный столик, на котором стоят оставленные служанкой послеобеденный чай и выпечка. Она жестом приглашает Байра сесть.

– Конечно, если бы свадьба не была прервана, мы могли бы оставаться наедине сколько угодно и когда нам заблаго-

рассудится.

Даже для ее собственных ушей эти слова звучат резко и язвительно, совсем не так, как их могла бы произнести Беатрис. Та наверняка с кокетливой улыбкой взглянула бы на Байра из-под опущенных ресниц, а ее голос напоминал бы мурлыканье. Но какими бы невразумительными ни были эти слова, Байр садится к ней за стол покрасневшим.

– Что за игру ты ведешь, Дафна? – спрашивает он, наливая чай сначала ей, потом себе. – К ужину все во дворце будут знать, кто такая Евгения, а мой отец...

– Потеряет еще больше уважения, – говорит Дафна, делая глоток чая. – Разве не этого хотят повстанцы?

Он качает головой.

– Это не... Знаешь, мы не просто так не вмешиваемся в дразги других стран, – говорит он. – И я не думаю, что новый удар по его репутации стоит того, чтобы навлекать на Фрив беду.

Дафна думает о том, что именно к этому и стремится ее мать. Но сама девушка, как и ее мать, верна только Бессемии.

– Как бы ты поступил? – спрашивает она. – Выпроводил бы эту женщину и ее сыновей на холод, отправил их обратно в Темарин, где их сразу же убьют, как мою сестру?

Байр качает головой.

– Есть и другие варианты – у нее семья в Селларии, а твоя мать предложила ей остаться под твоей защитой, но почему бы не приютить ее у себя?

Оба предложения хороши, и в обоих гораздо больше смысла, чем в том, чтобы отправить королеву во Фрив. И все же ее мать решила, что Евгения должна оказаться именно здесь. Императрица не поступает опрометчиво. Она наверняка продумала все варианты, тщательно их взвесила. И Евгения приехала во Фрив не просто так.

– Я не знаю, – признается она. – Но я уверена, что моя мать не отправила бы ее ко мне, если бы думала, что есть вариант лучше.

Байр долго смотрит на нее.

– Ты не рассказываешь мне всей правды, – говорит он наконец.

Дафна выдерживает его взгляд.

– Как и ты мне, – отвечает девушка, но ее голос звучит мягче, чем она намеревалась.

Какое-то время они потягивают чай в полной тишине. Дафна несколько раз открывает рот, чтобы что-то сказать, но нужные слова так и не приходят. Она чувствует, как накопившиеся секреты создают между ними пропасть, которая становится шире с каждым вдохом.

Хватит, – шепчет в ее голове голос, похожий на голос ее матери. – *Держи дистанцию. Используй его привязанность, используй его, но не позволяй ему использовать тебя.*

Байр тянет руку через стол, чтобы взять руку Дафны, и на этот раз она не отстраняется. Вместо этого она переплетает свои пальцы с его и притворяется, что простого прикосно-

вения достаточно, чтобы преодолеть расстояние между ними, – всю ту гору тайн и лжи, которую они сами воздвигли.

Дафна – не Софрония, и она прекрасно понимает, что у них с Байром не будет счастливого конца. Они не будут восседать на соседних тронах и править вместе – тем более что Байр не хочет себе такого будущего. А в том будущем, которое хотят построить Дафна с матерью, для него вообще нет места. Значит, ее чувствам нет места в настоящем. Она знает, уже скоро он перестанет смотреть на нее так, как сейчас, – с нежностью и обожанием, хоть и с крупницей разочарования. Вскоре, когда он поймет, над чем на самом деле они с матерью работают, в его взгляде останется лишь ненависть.

Дафна все это знает, но прямо сейчас он смотрит на нее так, будто по ее просьбе зажег бы звезды. Кажется, он готов отдать ей что угодно, кроме правды, но внезапно правда перестает иметь для них обоих такое уж большое значение. Да, скоро все вернется на свои места, но это будет потом.

Она отставляет свой чай и, продолжая держать его за руку, встает на ноги и идет к юноше. Не говоря ни слова, он отодвигает свой стул и мягко тянет ее за руку. Она позволяет усадить себя к нему на колени. Ее руки обвиваются вокруг его шеи, а он обнимает ее за талию, крепко прижимая к себе.

Она не знает, кто из них начинает поцелуй, но, откровенно говоря, это не имеет никакого значения. Он целует ее, и она целует его, и когда его язык обводит линию ее губ, она открывается ему, углубляя поцелуй. Но этого ей мало. Да-

же когда пальцы Дафны запутываются в его длинных темных волосах, даже когда он издает низкий стон, который она ощущает в собственном горле, этого все еще мало.

Дафна прижимается к нему еще сильнее и чувствует, как его пальцы сминают юбку ее платья.

Вдруг раздается стук в дверь. Он рассеивает туман в сознании Дафны, и она заставляет себя отстраниться. Она чувствует себя так, словно только что вернулась с часовой прогулки верхом. Байр, похоже, тоже запыхался, а его серебристые глаза – темнее, чем обычно, – пристально смотрят на нее.

Не говоря ни слова, она протягивает руку, чтобы пригладить его волосы, растрепавшиеся под ее пальцами, и он наклоняется навстречу ее прикосновению.

Снова раздается стук, и Дафна опускает руку, заставляя себя встать с его колен и вернуться на свое место. Байр неохотно отпускает ее из объятий.

– Войдите, – зовет Дафна, в равной степени удивленная и довольная тем, каким спокойным был ее голос.

Дверь открывается, и один из стражников просовывает внутрь голову. Обыскав глазами комнату, он останавливает взгляд на Дафне и Байре.

– Прошу прощения, что прерываю, Ваши Высочества, но лорд Панлингтон послал гонца за принцем Байром.

Байр отпускает проклятие и поднимается на ноги.

– Я должен был встретиться с ним, чтобы прокатиться в

город, – говорит он. – Прости, Дафна, но я должен идти.

Лорд Панлингтон – отец Клионы и глава фривийских повстанцев – ближайший друг и злейший враг короля Варфоломея. Его имя возвращает Дафну в реальность – она вспоминает о том, кому Байр на самом деле предан. В конце концов, собственному отцу он предпочел лорда Панлингтона и мятеж. У нее нет иллюзий, что когда-нибудь он примет ее сторону. Но она напоминает себе, что это к лучшему.

– Все в порядке, – говорит Дафна, заставляя себя улыбнуться. – Я все равно должна написать письмо матери.

Она смотрит, как меняется его взгляд, чувствует, как между ними снова разверзается широкая пропасть.

– Тогда с твоего позволения я пойду, – говорит он, отведывая чопорный поклон. Не сказав больше ни слова, он выходит, плотно закрыв за собой дверь.

Виоли

Когда первые лучи солнца освещают горные пики, Виоли и Леопольд покидают гостиницу «Этельдейс Инн». Уже к полудню Виоли начинает не хватать Эмброуза – хотя бы по той причине, что он мог с легкостью заполнить то молчание, что нависает над Виоли и Леопольдом, когда они одни.

Сначала она думала, что всему виной разница в положении: она была служанкой, а он – королем, хоть и в изгнании. Едва ли он когда-нибудь разговаривал со слугами больше необходимого. Но в гостинице ему и самому пришлось прислуживать, и хотя хозяйка была ниже его по статусу, в общении с ней у него не было никаких проблем.

Значит, проблема была в самой Виоли, и, скорее всего, она гораздо глубже.

– Давно ты не видел своего двоюродного брата? – спрашивает она его, когда солнце стоит высоко над головой и тишина начинает казаться невыносимой. Если они не будут много времени тратить на отдых, то к сумеркам доберутся до гавани.

Леопольд какое-то время молчит, и она думает, что, должно быть, он так ничего и не скажет. Но в конце концов юноша, глубоко вздохнув, отвечает:

– Около десяти лет, – говорит он.

– Это очень долго, – говорит Виоли, бросая на него косой

взгляд, но выражение лица Леопольда не выдает его мыслей.

– Да, – говорит он, и их снова окутывает тишина.

Виоли уже почти совсем сдалась, как вдруг он сам с ней заговаривает:

– Что случилось с твоим носом?

Рука Виоли взлетает вверх, и она аккуратно дотрагивается до носа. Он еще болит, но уже не так сильно, как вчера или даже сегодня утром. Утром Леопольд не затрагивал эту тему, и она решила, что в типичной мужской манере он даже не заметил изменений. Точно так же, как он не заметил, что уже на следующий день после того, как он оказался в пещере, ее глаза из голубых превратились в серебристые – тронутые звездами.

– Принцесса Беатрис исцелила его звездной пылью, – говорит она. – Тогда же, когда передала мне астры.

По крайней мере, про астры он знает, хоть сам и не спрашивал. Прежде чем они покинули гостиницу, Виоли объяснила ему, что они отправятся в гавань и купят билеты до Фрива.

– Как великодушно с ее стороны, учитывая, что это она его и сломала, – говорит он, и Виоли кажется, что она слышит в его голосе веселые нотки.

– Я не держу на нее зла, – отвечает Виоли, пожимая плечами. Это правда, но, конечно, она уклонилась бы, если бы предугадала действия Беатрис и знала бы, какой крепкий у нее кулак. – И не говори мне, что не хотел сделать то же са-

мое, когда я рассказала тебе о том, что работала на императрицу.

Леопольд смотрит на нее, округлив глаза.

– Я бы никогда не ударил леди, – говорит он в ужасе.

– К счастью для тебя, я не леди, – отмечает она. – Правда в том, что я виновата в смерти Софронии. Я это понимаю, ты это понимаешь, а теперь и принцесса Беатрис это понимает. Уверена, что, когда мы встретимся с принцессой Дафной, она тоже пустит в ход кулаки.

Леопольд снова замолкает, и Виоли думает, что на этом разговор закончился. Она сосредотачивается на дороге. Если прищурится, то сможет разглядеть на горизонте реку Илливан – голубую ленту, прорезающую серые горы.

– Нет, не понимаю, – говорит Леопольд так тихо, что она почти его не слышит. Озадаченная, она искоса смотрит на него. Он прочищает горло: – Я не думаю, что это твоя вина. По крайней мере, твоей вины в этом не больше, чем моей. Если бы я не был таким ужасным королем, восстание не разрослось бы до таких масштабов. Если бы я не доверял своей матери, ее предательство не сокрушило бы нас с Софи так сильно. И если бы я смог остановить Софи, прежде чем она... – Он замолкает, снова качая головой. – Львиная доля вины за все случившееся лежит именно на мне, Виоли.

Виоли отвечает не сразу, но когда она заговаривает, то ее голос звучит мягко:

– Ты не смог бы остановить ее, Леопольд, – говорит она,

запоздало осознавая, что впервые назвала его по имени. – Когда мы разрабатывали наш план, Софи уже знала, что собирается пожертвовать собой, чтобы спасти тебя. Она продумала все заранее, а если я и узнала что-то о Софи и ее сестрах, так это то, что, если они решили придерживаться какого-то плана, сами звезды не смогут встать у них на пути.

Леопольд на мгновение задумывается.

– Если бы ты отказалась помогать императрице – в самом начале или когда она приказала тебе подделать письмо, – думаешь, она бы просто сдалась?

Над этим вопросом Виоли никогда раньше не задумывалась. Она открывает рот, но быстро снова закрывает его. Она понимает, что не может найти слов, хотя Леопольд, похоже, и не ждет от нее ответа.

– Готов поспорить, ты не была ее единственным и неповторимым секретным оружием. Моя мать тоже была на ее стороне. Ты правда думаешь, что больше никого не было?

И снова Виоли не отвечает, хотя от его слов волосы у нее на затылке встают дыбом. Леопольд продолжает:

– Софи кое-что рассказала мне до того, как она... В общем, она успела рассказать, что императрица все спланировала еще до их рождения. Это целых семнадцать лет. Семнадцать лет для наблюдений, планирования и расстановки фигур на шахматной доске. Неужели ты думаешь, что она позволила бы своему плану провалиться из-за одного человека?

Виоли сглатывает.

– Я не думала об этом с такой стороны, – отвечает она.

– Ты сама сказала – если Софи и ее сестры решили придерживаться какого-то плана, сами звезды не смогут встать у них на пути. Как ты думаешь, у кого они этому научились? – спрашивает он.

Пусть вопрос и риторический, по крайней мере на него она знает ответ.

Виоли солгала бы, сказав, что слова Леопольда ни капли не облегчили чувство ее вины – хотя бы на долю секунды. Но они еще больше выбивают ее из колеи. Она никогда не считала, что пойти против императрицы будет простой задачей, но по мере того, как они подходят все ближе и ближе к гавани – все ближе к принцессе Дафне и Фриву, – Виоли начинает думать, что эта задача вообще невыполнима.

Виоли и Леопольд добираются до гавани вовремя, но лишь благодаря встретившемуся им фермеру. В своей телеге он вез пшеницу на торговое судно. В этой телеге они и доехали. Виоли могла бы заплатить мужчине, но он не спросил с них платы, и она придержала язык. Путешествие во Фрив будет нелегким, и им понадобится все до последней астры, что дала им Беатрис.

Леопольд позволяет Виоли самой позаботиться о том, чтобы найти им корабль до Фрива, и девушка этому только рада. Она сомневается, что Леопольд умеет торговаться или что он вообще знает цену астре, к тому же его аристократичный акцент может сам по себе осложнить ситуацию.

Она поспрашивала у людей о судне, отплывающем во Фрив, и все до единого ответили одинаково – «Астрал», корабль капитана Лихая. Она узнала, что это грузовой корабль, который перевозит различные товары между Селларией, Темарином, Бессемией и Фривом. В одном из пабов недалеко от гавани они с Леопольдом нашли капитана Лихая, уже выпившего несколько пинт эля. Капитану за пятьдесят, у него круглое румяное лицо и густая рыжая борода. Когда Виоли спрашивает его о корабле, он прищуривает глаза, и его взгляд мечется между ней и Леопольдом.

– И по какому делу вы едете во Фрив? – спрашивает он с фривийским акцентом.

Виоли пожимает плечами.

– Семья, – говорит она, что, как ей кажется, достаточно близко к истине. Просто семья – не ее. Она решает, что технически это семья Леопольда, пусть он и приобрел ее, только когда женился.

– Что-то не похожи вы на фривийцев, – замечает капитан Лихай.

– Я бессемианка, – признается она. – Мой муж – темарионец, – добавляет она, кивая в сторону Леопольда. – Но ни один из нас не горит желанием рисковать своей шеей или средствами к существованию, оставаясь в стране, где творится такая суматоха. Моя сестра замужем за фермером из Фрива, они живут недалеко от реки Эстер, – добавляет она, вспоминая карты, которые ее когда-то заставляли изучать. – На

наш взгляд, это хорошее место, чтобы начать все сначала. В целом сейчас нас устроило бы любое место, лишь бы подальше отсюда.

Капитан Лихай долго ее рассматривает, но его взгляд слишком остекленел от эля, чтобы его можно было назвать пронизательным.

– Пятнадцать астр, – говорит он ей. – С каждого.

Беатрис дала ей пятьдесят астр, а это значит, что у них останется всего двадцать астр, чтобы потом добраться от гавани до дворца. Виоли допускает мысль, что это возможно, но не хочет рисковать. Она решается на блеф.

Девушка качает головой.

– Не берите в голову, – говорит она ему, отодвигаясь от стола. – Один корабль предложил отвезти нас всего за пятнадцать. Он не так хорош, как, по слухам, хорош «Астрал», но...

Капитан Лихай хватает ее за запястье, и Виоли замирает. Стоящий рядом с ней Леопольд напрягается.

– Двадцать за обоих, – говорит он. – Это мое последнее предложение.

Виоли вырывает свою руку из хватки капитана Лихая – это проще, чем она ожидала. Он сразу ее отпускает. Прежде чем кивнуть, она делает вид, что обдумывает его предложение.

– Договорились, – говорит она.

– Деньги вперед, – отвечает он, протягивая руку ладонью

вверх. Сбоку на его большом пальце вытатуирован якорь – Виоли слышала, что у капитанов есть суеверие, будто это спасет их корабль от гибели.

Виоли лезет в карман своего платья, вытаскивает одну монету в десять астр и бросает ее ему в руку.

– Десять сейчас, остальное – когда мы благополучно доберемся до Фрива.

Капитан Лихай, похоже, хочет продолжить спор, но в конце концов передумывает.

– Мы отплываем на рассвете. Если вы к тому времени не успеете подняться на борт, мы сделаем это без вас.

Не дожидаясь ответа, он машет рукой официантке и заказывает еще выпивки. Виоли понимает, что диалог окончен.

Беатрис

Беатрис, Паскаль, Эмброуз и Найджелус покидают гостиницу «Этельдейс Инн» с гораздо большим комфортом. Они едут в личной карете Найджелуса, укутавшись в меховые одеяла и грея ноги о заранее прокаленные камни, расставленные по полу повозки. Когда Найджелус посещал Сестринство в горах, то прибыл туда в этом самом экипаже, запряженном двумя белыми лошадьми. Оставив эмпирея там, возница долго ехал длинными извилистыми дорогами и благополучно добрался до гостиницы всего через несколько часов после отъезда Виоли и Леопольда. Кучер предложил им всем остаться в гостинице еще на ночь, чтобы дать лошадям отдохнуть.

На следующее утро, когда солнце начало подниматься из-за гор, они пускаются в путь. Первые несколько часов путешествия они проводят за непринужденной беседой, обсуждая пронизывающий холод и восхищаясь завтраком, который хозяйка гостиницы упаковала в корзину и дала им в дорогу. Беатрис с облегчением отмечает, что Паскаль и Эмброуз в присутствии Найджелуса не говорят ничего лишнего.

Найджелус со своей стороны не обращает ни на кого из них особого внимания. Пока они едут по извилистой дороге, он либо устремляет свой серебристый взгляд в окно, либо листает потрепанный прошлогодний номер «Звездного аль-

манаха».

Когда приходит время обеда, они останавливаются в придорожной гостинице. Найджелус ведет их в общий зал и кивает приближающемуся к ним хозяину, на этот раз – мужчине средних лет, который, несмотря на лысину, может похвастаться весьма впечатляющими усами.

– Джентльмены будут обедать здесь, но нам с девушкой нужна отдельная комната – всего на час, – мягко говорит он.

Беатрис напрягается и устремляет взгляд на Найджелуса. Тот, конечно, не имел в виду близость с ней, но неужели он не понимает, как это звучит и что подумает хозяин гостиницы? И действительно, хозяин беспокойно переводит взгляд с одного на другую.

– Леди желает того же? – осторожно спрашивает он.

Найджелус хмурится и открывает рот, но Беатрис, одарив мужчину лучезарной улыбкой, успевает ответить первой.

– О да, – уверяет она его, беря Найджелуса под руку. – Видите ли, я боюсь находиться в людных местах, а мой дорогой дядя всегда заботится о моем комфорте.

Хозяин гостиницы с видимым облегчением кивает.

– Тогда я посмотрю, есть ли у нас свободная комната, – говорит он и поспешно удаляется по коридору. Как только он оказывается вне пределов слышимости, Паскаль поворачивается к Беатрис и Найджелусу.

– Куда идет Беатрис, туда иду и я, – говорит он Найджелусу, и его голос звучит куда увереннее, чем Беатрис мог-

ла ожидать. Хоть девушка и тронута тем, что он за нее заступился, она не боится Найджелуса. Правда, Беатрис и сама не знает, храбрость это или глупость. Она отпускает руку Найджелуса и протягивает пальцы, чтобы коснуться тыльной стороны ладони Паскаля.

– Все в порядке, – уверяет она его, улыбаясь. – Нам с Найджелусом нужно кое-что обсудить.

Паскаль, кажется, не удовлетворен ее ответом. Он хмурится, но, оглянувшись на Найджелуса, кивает.

– Если ты до нее хоть пальцем дотронешься...

– Могу тебя заверить, что дети меня не интересуют, – отвечает Найджелус таким ледяным тоном, что холод за окном может показаться летним зноем.

– Я вернусь через час, – говорит Беатрис, когда видит, что Паскаль нахмурился еще сильнее. – Иди, насладись приятным обедом с Эмброузом.

Хозяин гостиницы ведет Беатрис и Найджелуса в маленькую комнату – скудно обставленную, с узкой кроватью и круглым столом с двумя стульями. Пообещав принести им обед как можно быстрее, он уходит, оставляя их наедине.

– Я так понимаю, настало время для первого урока? – спрашивает Беатрис, кружа по комнате, как будто осматриваясь, хотя осматривать здесь особо нечего. Просто движение всегда ее успокаивает.

– Да, – говорит Найджелус, наблюдая за ней своими уста-

лыми глазами. – Надеюсь, ты не думала, что я планирую тебя соблазнить.

Беатрис смеется.

– Нет, – уверяет она его. – Ты же знаешь, какое обучение я прошла в Бессемии. Я всегда знаю, чего от меня хотят. Но я рада, что хозяин гостиницы не подумал лишнего, а Паскаль...

Она замолкает, думая об отце Паскаля, короле Чезаре, который не скрывал своих попыток уложить ее в постель. Мысль о его руках заставляет ее содрогнуться. Этот человек теперь мертв, и Беатрис не собирается его оплакивать. Миру будет лучше без него.

Ничего из этого она не произносит вслух, но глаза Найджелуса внимательно следят за выражением ее лица.

– Вряд ли ты удивишься, узнав, что у твоей матери есть шпионы при селларианском дворе, – говорит он спустя мгновение. – Судя по их рассказам, принц Паскаль раньше и не пытался тебя защитить.

Услышав колкость в адрес Паскаля, Беатрис стискивает зубы.

– Мне это и не требовалось, – говорит она. – В конце концов, меня воспитали так, что я в состоянии сама за себя постоять.

Она говорит себе, что это правда, но на самом деле слова Найджелуса ее задели.

– Я и не подозревала, что ты так интересуешься моими

проблемами и невзгодами, – говорит она, стараясь сохранять невозмутимый тон. – Хочешь заслушать отрывок их моего личного дневника или мы наконец приступим к уроку?

Найджелус смотрит на нее достаточно долго, чтобы успело повиснуть неловкое молчание, но в конце концов он приподнимает уголок рта.

– Ну же, Беатрис, мы оба знаем, что твоя мать учила тебя никогда не записывать свои мысли на бумагу, ведь их может прочитать кто угодно.

Он лезет в карман своего плаща и достает «Звездный альманах», который изучал в карете. Он поднимает книгу так, чтобы Беатрис могла видеть обложку – на васильково-голубой коже красуются золотые буквы.

– Тебе это знакомо? – спрашивает он.

Беатрис пожимает плечами.

– Немного, – признается она. – Дафна и Софи всегда больше меня интересовались астрологией, а изучать ее прошлое я вообще не видела смысла.

– Вот как, – говорит Найджелус, садясь за стол и жестом предлагая ей сесть напротив него, что она и делает. – Но именно так мы находим закономерности. И как только ты разберешься в закономерностях прошлого, ты сможешь предсказать, что произойдет в будущем. Конечно, это был бы более поучительный урок, если бы мы могли изучать ночное небо, но придется приберечь это для другого раза. А пока...

Он перелистывает страницы и, найдя нужную, передает

книгу ей.

– Что ты здесь видишь?

Беатрис берет томик и рассматривает его – не только страницу, но и саму книгу, которая, будучи выпущенной всего год назад, уже успела сильно поизноситься. Открытая страница содержит описание того, как были расположены созвездия, которые можно было наблюдать на небе одной из летних ночей. Здесь же приведены различные версии того, как это можно интерпретировать. Беатрис прищуривается.

– Шипастая Роза – одно из моих созвездий рождения, – говорит она ему, когда замечает созвездие в списке.

Она и ее сестры родились под Шипастой Розой, Голодным Ястребом, Одиноким Сердцем, Коронай Пламени и Тремя Сестрами.

– Шипастая Роза символизирует красоту, но здесь говорится, что она появилась рядом с перевернутой Чашей Королевы, которая предвещает несчастье. Их близость должна указывать на какую-то связь, так? – спрашивает Беатрис, взглянув на Найджелуса, который все это время пристально за ней наблюдает. – Что произошло в тот день?

Найджелуса поднимает брови.

– Ты не помнишь? – спрашивает он ее.

Беатрис роется в своей памяти. Середина лета прошлого года. Она все еще была в Бессемии, все еще проводила каждый день в компании своих сестер, а ее мир ограничивался дворцом и окружающим его городом. Все эти дни слились

воедино в ее сознании.

– Ты сломала свой нос, – говорит ей Найджелус.

Беатрис моргает. Она действительно сломала нос прошлым летом, во время тренировки по рукопашному бою с Дафной. Это было не впервые, когда тренировка закончилась травмой, а Найджелус так быстро вылечил ее с помощью щепотки звездной пыли, что событие не произвело на нее особого впечатления.

– Несчастье, которое повлияло на мою красоту, пусть и ненадолго, – криво усмехается Беатрис, возвращая ему книгу. – Признаюсь, я чувствую себя весьма польщенной тем, что звезды сочли нужным обратить внимание на это событие.

Если Найджелус и понял ее шутку, он никак не показывает этого.

– Я уверен, что многие люди в тот день пострадали, хоть и по-разному. К тому же, как ты и сказала, это одно из твоих созвездий рождения, так что на тебя его присутствие в небе влияет больше, чем на других.

– Для моих сестер это тоже созвездие их рождения, но что-то я не припомню, чтобы с ними тогда случились подобные инциденты, – говорит она, но затем делает паузу. – Это неправда. Дафна тогда проснулась с огромным прыщом на подбородке. А Софи...

– Это был день, когда прибыл последний портрет короля Леопольда. Как ты можешь помнить, твою сестру это сильно

взволновало.

Так и было. Весь тот день Софрония почти ни о чем другом не говорила. К тому времени как солнце село, Беатрис казалось, что если она услышит еще хоть слово о его красивом лице и добрых глазах, то вонзится в холст кинжал.

– И очевидно, ее увлечение кончилось несчастьем, – заканчивает Беатрис, хотя, говоря это, она вспоминает слова Виоли. *Как бы то ни было, я верю, что он любил Софи так же сильно, как она любила его.* Трудно было представить, что ее сестра влюбится в незадачливого короля – Беатрис не думала, что это может быть чем-то большим, чем простое увлечение. Беатрис, конечно, не была слепой, так что даже за слоем недельной грязи разглядела красоту Леопольда. Но любовь – это нечто большее, так ведь?

Сама того не желая, она вспоминает о Николо. Это была не любовь, так что она не повторила ошибку Софронии. Но Беатрис не может не думать, что ее заслуги в этом нет, и виной всему предательство Николо. Ведь затянись все еще на пару недель, и она, возможно, тоже решила бы, что влюблена.

– Итак, на всех нас это повлияло по-разному, – говорит Беатрис, выбрасывая Николо из своих мыслей и сосредотачиваясь на сидящем перед ней Найджелусе. – Да простят меня Дафна и ее несчастный прыщ, но разве это сравнимо со сломанным носом? И я сомневаюсь, что в смерти Софронии виновата пара созвездий, – это дело рук моей матери.

– Все взаимосвязано, Беатрис. Особенно когда дело касается звезд, – мягко говорит Найджелус. – Но ты права. В тот день, как и в прочие, Шипастая Роза повлияла на тебя сильнее, чем на твоих сестер, и на то есть причина. Между тем, как ты сделала свой первый вдох, и до того момента, как Софрония сделала свой, прошло не меньше двух часов. Вы тройняшки, но роды длились долго, поэтому я отметил каждое созвездие, что появлялось над головой за это время. Когда ты сделала свой первый вдох, Шипастая Роза достигла своего пика. Когда появились твои сестры, она все еще оставалась на небе, но ее положение уже не было так сильно.

Возможно, Беатрис не слышала этого раньше, но его слова ее не удивляют. Ей всегда говорили, что красота – ее самое большое достояние, и чаще всего это говорила ее мать. Она, как никто другой, разбирается в розах и их шипах.

– А мои сестры? – спрашивает она. – Какие созвездия светили над ними?

Как только этот вопрос слетает с ее губ, она почти жалеет, что задала его.

– Я хотел бы услышать твои догадки, – говорит Найджелус, откидываясь назад.

Беатрис стискивает зубы.

– Понятия не имею, – говорит она.

Но она лжет, и он, кажется, это понимает.

– Твоя мать никогда не считала нужным давать тебе те уроки чтения по звездам, которые были у твоих сестер, – го-

ворит он ей. – Она думала, что чем больше ты будешь знать, тем больше вероятность того, что в Селларии ты скажешь лишнего и тебя казнят.

– Но разве это не то, чего она хочет? – спрашивает Беатрис.

Еще один колкий комментарий, на который Найджелус не обращает внимания.

– Ради ее цели, а не из-за пары случайных слов в твой первый же день во дворце, – отвечает он. – Я имел в виду, что ты не обучена чтению по звездам, поэтому мне любопытно, что подсказывает тебе твоя интуиция.

Беатрис закатывает глаза.

– Думаю, Дафна родилась под Голодным Ястребом, – говорит она. – Это уж слишком буквально, но, откровенно говоря, в ней и правда есть что-то ястребиное. И она более амбициозна, чем Софи и я.

Найджелус не спорит с ней, но и не соглашается.

– А Софрония?

Беатрис сглатывает.

– Она родилась под Одиноким Сердцем, так ведь? – спрашивает она. – Оно символизирует жертвенность.

На этот раз Найджелус кивает.

– Еще два созвездия, – Корона Пламени и Три Сестры, – не сияли прямо над вашими головами, но все же в тот момент они тоже были на небе, – говорит он. – Так что все они оказали на вас влияние.

Беатрис смеется.

– Под Шипастой Розой рождается полно некрасивых детей, – говорит она ему. – Все знают, что к созвездиям рождения следует относиться с недоверием.

– При обычных обстоятельствах – да, – говорит ей Найджелус. – Но мы уже выяснили, что обстоятельства твоего рождения были какими угодно, но только не обычными.

– Потому что мать загадала желание, чтобы мы родились? – спрашивает Беатрис.

– Потому что было загадано не одно желание, – говорит Найджелус. – Да, сначала она пожелала забеременеть тройней, и это желание я загадал на Руках Матери.

Руки Матери – это созвездие, напоминающее пару рук, держащих младенца.

– Но главные желания должны были быть загаданы в тот момент, когда каждая из вас сделала свой первый вдох. Нужно было связать ваши судьбы с судьбами стран, которые однажды станут вашим домом.

Беатрис моргает.

– Если эмпиреи могут так легко завоевывать страны, почему никто другой не делал этого раньше? – спрашивает она.

Найджелус качает головой.

– Все не так просто, одних желаний недостаточно, – говорит он. – Но твоя мать не полагалась лишь на звезды, чтобы достигнуть своих целей. В течение семнадцати лет она тщательно планировала и следила за тем, чтобы каждая деталь

встала на свое место. Желания, которые мы загадали в день, когда вы с сестрами родились, не могут воплотить эти планы в жизнь, они лишь дают больше шансов на успех.

Какое-то время Беатрис молчит, обдумывая его слова.

– Однако это не сработало. Не в моем случае. И, по-видимому, не в случае Дафны.

– Потому что желания требуют жертв, а ваши жертвы еще не принесены, – говорит Найджелус. – Но, как я уже говорил, для каждой из вас при рождении была загадана отдельная звезда. Чтобы желание вашей матери сбылось, мне пришлось вытащить по звезде из нескольких созвездий. В Дафне есть частичка Голодного Ястреба, а в Софронии была частичка Одинокого Сердца. Это маленькие звездочки – наподобие тех, какие я учил тебя искать. Мало кто заметил бы их отсутствие, а те, кто заметил, не стали бы задавать вопросов.

– Так из какого созвездия ты взял мою звезду? – спрашивает она. – Из Шипастой Розы?

Это открытие разочаровывает. Хоть красота Беатрис – это первое, на что обращают внимание при встрече с ней, самой девушке кажется, что это наименее интересная ее черта.

Найджелус откидывается на спинку стула, складывает руки на коленях и разглядывает ее.

– Нет, – говорит он через мгновение. – Из другого созвездия, которое проходило по небу, когда ты родилась. Его тогда было едва заметно, к тому же оно исчезло прежде, чем родились твои сестры.

Сердце Беатрис замирает.

– И что это было за созвездие? – спрашивает она.

Найджелус улыбается.

– Посох Эмпирея.

Посох Эмпирея, магическое созвездие.

У Беатрис внезапно пересыхает во рту.

– Значит, ты все знал с самого начала, – медленно произносит она. – Ты сам все и спланировал.

– Да, – просто говорит он.

– Почему? – спрашивает Беатрис.

Какое-то мгновение он не отвечает.

– Звезды не просто благословляют и рушат судьбы, Беатрис, – говорит он наконец. – Им нужен баланс. Как эмпирей, ты и сама сможешь понять это, когда придет время. Ты услышишь их требование так же ясно, как сейчас услышишь мой голос. И ты поймешь, о чем они тебе говорят. Когда в миг твоего рождения на небе появился Посох Эмпирея, я понял, что звезды послали мне требование.

По коже Беатрис бегут мурашки. Ей хочется рассмеяться над тем, как драматично это прозвучало, – над самой мыслью о том, что звезды чего-то могут требовать, – но во рту у нее все еще сухо. Она не сразу находит в себе силы говорить и в конце концов произносит лишь одно слово:

– Почему?

– Потому что звездам нужен баланс в мире. Вот почему желания сопровождаются жертвами, вот почему ты чувству-

ешь себя так плохо после того, как снимаешь с неба звезды. Есть древнее пророчество, – его оставил эмпирей, имя которого давно забыто. *Вывести мир из равновесия – значит погасить звезды.*

Нахмурившись, Беатрис повторяет эти слова себе под нос.

– Что-то не похоже на пророчество, – говорит она.

– Учитывая, сколько раз слова переводились с одного языка на другой и обратно, это неудивительно. Но смысл остается прежним. Звезды добры к нам, но они требуют равновесия. Ваше с сестрами появление на свет вывело звезды из равновесия – я должен был тогда понимать, что твоя мать просила чересчур многого, а я был молод, глуп и слишком любопытен. Но когда звезды предъявили свое требование, я понял, что мы зашли слишком далеко. Твоя мать создавала оружие, чтобы использовать его против всего мира, и поэтому звезды тоже потребовали оружие.

– И этим оружием должна быть я? – спрашивает Беатрис, не потрудившись скрыть сомнения в своем голосе.

Найджелус прищуривается.

– Эти уроки пойдут намного быстрее, если ты не будешь пытаться оспаривать каждое мое слово, – говорит он.

Беатрис хочет возразить, но понимает, что это было бы лишь доказательством его правоты.

– Прекрасно, – говорит она. – Я – оружие, созданное звездами. И что я должна сделать? Уничтожить свою мать? Если звезды действительно хотели ее остановить, семнадцать лет

назад достичь этого было бы куда проще.

– Ах, ты опять не слушаешь, принцесса, – говорит он, качая головой. – Звезды ни на твоей стороне, ни на ее, и если уж на то пошло, ни на моей. Звезды не солдаты на чьей-то войне – они и есть поле битвы, и они стремятся уровнять его настолько, насколько это возможно.

Дафна

Не то чтобы Дафна хотела отравить королеву Евгению, но особого выбора у нее не осталось.

За время чаепития, которое Дафна устроила для них двоих спустя пару дней после приезда Евгении, вдовствующая королева утаила о случившемся в Темарине гораздо больше информации, чем открыла. И то немногое, что она рассказала, было очевидной ложью.

Самое примечательное, что Дафна точно знает – Софрония была казнена девять дней назад, и все же королева Евгения утверждала, что путь из Кавелле до Фрива занял у нее неделю.

На самом деле с экипажем такая поездка не должна была занять больше четырех дней, но поскольку большую часть пути им, возможно, приходилось скрывать от посторонних глаз, Дафна допускает, что путешествие и правда могло затянуться дня на три.

Но это не объясняет еще два потерянных дня.

К тому же у Евгении была рана, которую она пыталась скрыть с помощью косметики и пышных темно-каштановых волос. Но в ярком послеполуденном свете, проникающем через высокие окна, Дафна смогла разглядеть кровоподтек на ее левом виске. Судя по размеру и форме раны, Дафна предположила, что удар был нанесен рукояткой пистолета.

Учитывая, как тщательно Евгения пыталась скрыть этот синяк, Дафна готова поспорить, что королева не даст честного ответа о том, как она его получила. Да и сам вопрос об этом едва ли обрадует Евгению, а Дафне нужно убедиться, что женщина на ее стороне – по крайней мере пока.

Поэтому, когда королева Евгения повернулась, чтобы попросить слугу принести еще пирожных к чаю, Дафна протянула руку через маленький столик и высыпала Евгении в чай немного порошка из своего «кольца с секретом», а затем взяла стоящие рядом сливки и налила немного себе в чашку.

Этого недостаточно, чтобы причинить Евгении какой-либо вред или даже вызвать у нее подозрения. Такая маленькая доза, какую дала ей Дафна, лишь приведет королеву в изнеможение, что легко можно будет объяснить столь тяжелым путешествием на север.

Через час после чаепития Дафна возвращается во временные покои Евгении и ее сыновей под предлогом того, что принесла книгу об истории Фрива, о которой она вскользь упомянула за чаем. Когда горничная говорит ей, что Евгения спит, Дафна изображает удивление и разочарование.

– Ну, я могу оставить книгу здесь. Передай ее королеве, когда она проснется, – говорит Дафна, прежде чем демонстративно заглянуть через плечо горничной в гостиную, где принцы Рид и Гидеон играют с деревянными мечами. Горничная даже отодвинула мебель в сторону, чтобы освободить

для них место.

– Не лучше ли принцам поиграть на улице? – спрашивает Дафна достаточно громко, чтобы привлечь их внимание.

– А можно? – спрашивает старший, Гидеон. Ему четырнадцать, он долговязый, со светлыми волосами и веснушками на носу и щеках. Рид, которому на два года меньше, стоит рядом с братом. Его волосы немного темнее, а кожа чуть бледнее. Оба они похожи на своего брата, короля Леопольда, – или, по крайней мере, на картины и иллюстрации, которые Софрония получала от своего жениха.

– Ваша мать сказала, что вам следует оставаться внутри, – говорит горничная, качая головой, прежде чем снова повернуться к Дафне: – Простите, Ваше Высочество, но они еще не привыкли к здешней погоде и легко могут заболеть.

– О, еще бы, – говорит Дафна, округлив глаза. – Когда я только сюда приехала, мне тоже было сложно адаптироваться. Но все не так уж плохо, если должным образом утеплиться. Я уверена, что мы сможем достать что-нибудь из старой одежды принца Байра и одеть мальчиков по погоде.

– Даже не знаю... – говорит горничная, хмурясь.

– О, прошу, это не доставит никаких хлопот. Я сама собиралась пойти прогуляться и уверена, что у тебя еще полно дел.

Она снова смотрит на Гидеона и Рида:

– Вы когда-нибудь видели снег? Прошлой ночью его выпало столько, что можно играть в снежки.

Глаза Рида становятся круглыми, словно монеты.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, Женестьева, – умоляет он горничную. – Мы будем хорошо себя вести. Правда, Гидеон?

– Очень хорошо, – обещает Гидеон, прежде чем снова взглянуть на Дафну: – А Байр тоже может пойти?

Дафна поморщилась бы, если бы могла. Впрочем, она совсем не удивлена. Конечно, мальчик возраста Гидеона будет равняться на Байра. Возможно, было бы даже лучше, чтобы он пошел с ними. Тогда мальчики чувствовали бы себя комфортнее и легче делились информацией. Но она не видела Байра уже два дня, со времени их последнего чаепития, и, честно говоря, ей страшно снова столкнуться с ним лицом к лицу.

– Мы сможем у него спросить, – говорит Дафна и снова оглядывается на горничную Женестьеву. – Последние несколько дней были для них тяжелыми, так ведь? Они покинули свой дом, потеряли брата. Тебе не кажется, что им нужно немного повеселиться?

Служанка колеблется и через плечо оглядывается на закрытую дверь, которая, должно быть, ведет в спальню королевы.

– Хорошо, – говорит она, поворачиваясь обратно. – Но вы оба должны делать все, что скажет принцесса Дафна, и вернуться к ужину.

Дафна одаривает горничную своей самой милой улыбкой.

– Я уверена, что они будут вести себя просто идеально.

Байр соглашается помочь ей показать юным принцам окрестности. В глубине своего гардероба он находит для них несколько теплых пальто и сапог. Они немного великоваты для мальчиков, но, по крайней мере, в них им будет тепло.

– Я обещала им поиграть в снежки, – говорит Дафна, когда они вчетвером выходят на улицу. Снегопад прекратился ранним утром, – когда Дафна проснулась, за окном лежал толстый слой свежего снега.

В сопровождении шести стражников они поднимаются на холм на краю леса, и Гидеон и Рид восхищаются глубокими следами, которые они оставляют за собой в снегу. Рид с особым удовольствием топает что есть сил.

– Вы что, никогда раньше не видели снега? – спрашивает их Байр, и они оба качают головами.

– В Темарине не бывает снега, – отвечает Гидеон.

– О, вам понравится, – говорит им Дафна. – В Бессемии снег шел очень редко, но каждый раз, когда он выпадал, мы с сестрами начинали кидаться друг в друга снежками. И я, конечно, всегда была в этом лучшей.

– Конечно, – вторит Байр, одаривая ее кривой улыбкой.

– Вы с Софи играли в снежки? – спрашивает Рид, морща нос. – Я не могу себе этого представить.

– О да, – говорит Дафна, улыбаясь воспоминанию о юной Софронии со снежком в руках, с красным лицом и мокрым

от холода носом. – Я уверена, ты думаешь, что Софи была слишком доброй, чтобы кидаться в меня снежками, но при желании она бывала той еще злокой.

Гидеон выглядит так, словно не верит ее утверждению, а Рид громко вздыхает.

– Я скучаю по ней, – признается он.

Дафна прикусывает нижнюю губу.

– Я тоже, – говорит она, чувствуя на себе взгляд Байра. Она больше не позволит себе поддаться эмоциям у него на глазах, как делала это уже слишком много раз. Она сосредотачивается на своей основной задаче.

– Вы, должно быть, скучаете и по своему брату тоже, – говорит она, оглядываясь на стражников. Они слишком далеко, чтобы слышать этот разговор, и большая часть их внимания сосредоточена на территории за холмом – они выслеживают потенциальную угрозу.

Рид кивает.

– Мама сказала, что он мертв, – говорит он.

– Это не так, – резко отвечает ему Гидеон.

– Нет? – спрашивает Дафна, взглянув на старшего принца. – Значит, вы получили от него весточку?

– Нет, – говорит Гидеон, хмурясь. – Я просто знаю, вот и все. Ты поняла, что Софи умерла? Ты это почувствовала?

Дафна хмурится, открывает рот и снова закрывает его, пытаясь подобрать слова. Байр ее опережает.

– Я почувствовал, когда умер мой брат, – говорит он. –

Киллиан долго болел, но я до последнего не мог поверить, что он умрет, пока это не произошло.

Дафна бросает на него косой взгляд, и вдруг ее застает врасплох желание взять его руку в свою. Вместо этого она сжимает ладонь в кулак.

– Видишь? – торжествующе говорит Гидеон. – Я бы знал, если бы Леопольд умер. А это не так.

Дафна не думает, что на чувства можно всецело положиться, но она убеждается, что, если даже Леопольд жив, его мать и братья об этом не знают.

– Должно быть, это было очень страшно, – говорит она через мгновение. – Бежать из дворца в разгар мятежа. Я была бы просто в ужасе. Вы очень храбрые.

Гидеон и Рид обмениваются взглядом таким коротким, что Дафна едва его замечает.

– Да, – говорит Гидеон, поднимая подбородок. – Это было ужасно.

Больше он ничего не говорит. Возможно, события той ночи так сильно их потрясли, что о них невозможно вспоминать. Или же...

Она останавливается перед Ридом и слегка наклоняется, чтобы поправить воротник его пальто. Дафна встречается с ним взглядом и тепло улыбается.

– Ах, если бы вас вообще не было во дворце той ночью, – беспечно говорит она. – И к тому времени вы уже были бы далеко от опасности. Где-нибудь в совершенно другом месте.

Рид хмурится.

– Я...

– Нет, мы были во дворце, – перебивает Гидеон. – Как я и сказал, это было ужасно. Мы будем играть в снежки или нет?

Дафна еще секунду изучает глазами лицо Рида, а потом наклоняется, набирает пригоршню снега и с усмешкой бросает ее прямо в плечо Гидеону.

– Попался! – кричит она, и Рид с Гидеоном уже смеются вместе с ней и наклоняются, чтобы бросить снежки в ответ.

После получаса метания друг в друга снежков Дафна и Байр сдаются, и братья, толкая друг друга, убегают глубже в лес. Их смех эхом отлетает от стволов деревьев. Пятеро из шести охранников остаются с Дафной и Байром, еще один следует за мальчиками.

– Держитесь поближе! – кричит им вслед Дафна. Когда она снова поворачивается к Байру, то обнаруживает, что он внимательно на нее смотрит.

– Ты думаешь, они лгут? – спрашивает он ее. – Насчет той ночи, когда захватили дворец?

– Уверена, что да, – говорит Дафна, прислоняясь спиной к стволу огромного дуба. – Из них не очень хорошие лгуны. Будь мы с Ридом наедине, я бы его расколола, но Гидеон казался... напуганным.

– Но зачем лгать? – спрашивает Байр. – Они что, пытаются защитить Леопольда?

Дафна качает головой:

– Нет, я поверила им, когда они сказали, что не получали от него никаких известий. Они лгут, потому что так велела им их мать. Я не имею ни малейшего представления почему. И прежде чем ты спросишь, да, я правда не знаю.

Дафна не уверена, что Байр ей верит, но спустя секунду он быстро и решительно кивает.

– Если она подруга твоей матери, разве ты не можешь спросить у нее? – говорит он, и хотя на первый взгляд его голос достаточно мягок, это не праздный вопрос.

– Я не уверена, что они подруги. Но когда Софи вышла замуж за Леопольда, они стали семьей, – говорит Дафна, и это, по крайней мере, правда. – И письмо, с которым она прибыла, было написано рукой моей матери. Если подумать, у них есть что-то общее. Обе правили странами, народ которых относился к ним враждебно.

– Но ведь власть твоей матери в Бессемии крепка, – указывает он.

Дафна кивает.

– Так было почти всегда. Но когда я была ребенком, сразу после смерти моего отца, многие не хотели поклоняться женщине, которая родилась дочерью портного. И нашлось немало тех, кто сам хотел занять трон.

– Но твоя мать одержала победу, – указывает он. – Она не сбежала в чужую страну с тобой и твоими сестрами под мышкой.

Дафна никогда не думала о таком ходе событий, хотя в какой-то момент все могло обернуться именно так. Тогда ее жизнь была бы совсем другой и, вероятно, продлилась бы куда меньше.

Вдалеке она слышит смех Гидеона и Рида, играющих друг с другом.

Она отбрасывает мысли о них в сторону.

– Моя мама всегда побеждает, – с улыбкой говорит она Байру. – Она выбрала правильных союзников, и на ее стороне всегда был и будет ее эмпирей, Найджелус. К сегодняшнему дню каждый человек, который пытался ее свергнуть, или мертв, или в тюрьме, или заплатил каким-то иным образом. Последние шестнадцать лет правления моей матери подарили Бессемии процветание.

– Возможно, дочерям портных должны чаще давать возможность занять трон, – говорит Байр, бросая на нее косою взгляд. – Ты скучаешь по ней, – продолжает он. – Знаешь, это не должно меня удивлять, но когда ты говоришь о ней, то у тебя в глазах словно загорается огонь.

Дафна кивает. Она всегда знала, что покинет Бессемию, оставит своих сестер и свою мать. Императрица, конечно, никогда этого не скрывала. Она вырастила их, чтобы они оставили ее. Но теперь, когда смерть Софронии все еще кажется открытой раной, Дафна готова отдать что угодно, лишь бы оказаться в объятиях своей матери.

– Она удивительная женщина, – говорит она Байру. – Я

всегда хотела быть такой же, как она.

Рука Байра находит ее руку, и их пальцы переплетаются. Он открывает рот, чтобы заговорить, но прежде чем он успевает произнести хоть слово, воздух пронзает крик, за которым следует еще один.

У Дафны кровь стынет в жилах, и она отпускает руку Байра.

– Принцы, – говорит она и поворачивается на крик.

То же самое делают Байр и стража, и они начинают бежать. Дафна быстро осматривает окружающий их лес, но не видит никаких признаков присутствия мальчиков, если не считать следов на свежеснеженном снегу.

– Они не могли уйти далеко, – говорит Байр, хотя его голос звучит так, будто он убеждает скорее себя, а не ее. – Эти леса патрулируются с тех пор...

С тех пор как на нас напали убийцы, думает Дафна. Эта мысль не слишком обнадеживает.

– Гидеон! – зовет она. – Рид!

Но в ответ – тишина. Они с Байром продолжают бежать, выкрикивая имена принцев. Следы петляют между деревьями, кружат, пересекаются и в конце концов заканчиваются посреди небольшой поляны. Там же, где лежит тело сопровождавшего их стражника. Снег вокруг него весь красный от крови. К нему подбегают еще два стражника, но Дафна понимает, что он уже мертв.

– Лошади, – говорит Байр, указывая на следы копыт на

снегу. – Их по меньшей мере пятеро.

Дафна вполголоса отпускает проклятие. Сердце вот-вот выпрыгнет у нее из груди. Принцев похитили.

Виоли

Достаточно одного дня на борту «Астрала», чтобы Виоли забыла, каково это – чувствовать себя здоровой. Ее постоянно тошнит, и, несмотря на прохладный воздух, все ее тело покрыто каплями пота. Девушке невыносимо думать о том, чтобы встать с узкой кровати в маленькой каюте, где они с Леопольдом разместились, но даже лежа в постели, она чувствует себя просто ужасно. Каждая клеточка ее тела истощена, но, как бы Виоли ни старалась, ей не удается поспать больше часа. Рядом с кроватью стоит ведро, в которое она часто опорожняет свой желудок, хоть и не может заставить себя съесть больше одного-двух кусочков черствого хлеба.

Виоли не может думать ни о чем другом, кроме своих страданий, но она осознает, что кто-то время от времени протирает ее лицо прохладной влажной тряпкой. Кто-то заставляет ее пить маленькими глотками воду из стакана и откусывать хлеб.

Кто-то выливает ведро, в которое ее тошнит. Очевидно, что этот кто-то – Леопольд, но даже с затуманенным сознанием ей трудно представить короля Темарина в роли ее няньки.

Когда Виоли просыпается, то по слабому свету, проникающему через один-единственный иллюминатор, понимает, что сейчас рассвет. Два дня. Она на этой лодке уже два дня, а

кажется, что прошла вечность. Ей требуется мгновение, чтобы распознать висящий в воздухе аромат.

– Имбирь, – бормочет она, переворачиваясь на бок.

Леопольд сидит на деревянном полу у ее кровати с кружкой дымящегося чая в руках.

– В том числе, – говорит он, глядя на кружку. – Повар приготовил тебе напиток – он говорит, что это надежное лекарство от мьорской болезни. Ты можешь сесть?

Это дается с трудом, но у Виоли получается приподняться, опираясь на тонкую подушку. Леопольд передает ей кружку с чаем, но ее руки так ослабели, что она едва может ее удержать. Он помогает ей поднести кружку к губам, и хотя напиток горячий, она делает три маленьких глотка.

Виоли отрывисто кашляет, опускает кружку и морщится.

– Повар сказал, что на вкус не очень, но тебе должно полегчать.

– Лекарство порой может быть хуже болезни, – говорит Виоли, но ей удается самостоятельно поднять кружку и сделать еще один глоток. – Спасибо.

Леопольд кивает.

– Дует попутный ветер, – говорит он ей. – Капитан Лихай говорит, что звезды и погода на нашей стороне. Завтра к заходу солнца мы должны добраться до порта в Гленакре.

– Думаю, что смогу дожить до этого момента, хоть и с трудом, – говорит Виоли.

Она просто пошутила, но Леопольд хмурится.

– Тебе что-нибудь нужно? Хочешь еще раз попробовать поесть хлеба?

При мысли о еде Виоли начинает тошнить, но она просто качает головой.

– Я в порядке. Ну, во всяком случае, жить буду.

– Еще повар сказал, что тебе может стать лучше на свежем воздухе, – говорит Леопольд. – Когда ты допьешь чай, я мог бы помочь тебе подняться на главную палубу.

Виоли качает головой.

– Я не хочу мешать экипажу делать их работу.

Леопольд смеется.

– Поверь мне, после такой гулянки, какая была прошлой ночью, они еще не скоро вылезут из своих постелей.

– Гулянки? – спрашивает Виоли, делая еще один глоток.

– День рождения капитана Лихая, – объясняет он. – Уверю, сегодня ты здесь не самая несчастная.

Виоли старается улыбнуться и делает еще глоток чая, а потом еще. Она понимает, что напиток и правда помогает. Да, ей все еще не слишком хорошо, но хотя бы желудок успокоился. Она приподнимается еще чуть выше и умудряется осушить чашку всего за несколько глотков.

– Свежий воздух – это прекрасно, – говорит она Леопольду.

Главная палуба почти пуста, если не считать нескольких членов экипажа, которые следят за кораблем, пока все

остальные спят. Чистое небо над головой начинает светлеть, но звезды все еще видны – они рассыпаны по розовеющему небу, как те бриллианты, что Виоли полировала для Софронии. Она примерно понимает, что представляет собой то или иное скопление звезд, но никогда не бывает полностью уверена, что верно определила созвездие.

– Это Падающая Вода, – говорит Леопольд, когда Виоли спрашивает его, знает ли он, что это за созвездие виднеется на востоке. – Оно напоминает водопад.

Виоли прищуривается, но не может разглядеть в скоплении звезд очертаний водопада. Но она верит ему на слово. Он рос принцем, так что получал уроки от лучших учителей.

– Падающая Вода... она символизирует неизбежность? – спрашивает Виоли, нахмурившись.

– Вроде того. Неизбежность, судьбу, – говорит Леопольд, пожимая плечами. – Вода не может перестать течь туда, куда ей предназначено.

Они останавливаются у края палубы, и Виоли всем телом прислоняется к борту. Девушка пробыла на ногах буквально пару минут, но кажется, что она пробежала много миль.

– Помогает? – спрашивает он. – Свежий воздух.

– Честно говоря, да, – признает она. – Спасибо. За чай и... ну... за то, что так обо мне заботился.

– Не думаю, что у меня так уж хорошо получилось, – признается он, прислоняясь к борту рядом с ней. – Честно говоря, я никогда долго не находился рядом с больными людьми.

– Неудивительно, ты же был наследным принцем, потом королем – отмечает она. – Что случилось бы со страной, если бы ты заболел и умер?

Он бросает на нее косой взгляд.

– Предполагаю, дела Темарина пошли бы в гору, – говорит он.

Виоли не знает, что на это ответить. Она понимает, что должна уверять его, будто это неправда, но сейчас у нее нет сил его успокаивать. Прежде чем она успевает что-нибудь сказать, тишину нарушает третий голос:

– Эй, Леопольд!

У Виоли на затылке волосы встают дыбом – не потому, что она узнает этот голос. Совсем наоборот. Леопольд никогда не знал, каково это – бояться звука собственного имени, поэтому без задней мысли оборачивается на голос.

Всего в нескольких футах от них стоит мужчина, одетый как член экипажа – в брюки грубой выделки и тунику, на которой масляных пятен больше, чем чистых мест. Его румяное лицо покрыто щетиной, а темные глаза-бусинки устремлены на Леопольда. В правой руке он держит пистолет, который направляет прямо на них.

– Кажется, я тебя узнал, – говорит мужчина, подходя на шаг ближе. – Хотя ты-то меня наверняка не помнишь.

– Сэр, я думаю, вы меня с кем-то путаете, – говорит Леопольд и двигается в сторону, чтобы встать между пистолетом и Виоли. Она это весьма ценит – не потому, что нуждается в

его защите, а потому, что у нее появляется возможность дотянуться до маленького ножа, пристегнутого к бедру. Чтобы ее не заметили, она двигается очень медленно, надеясь, что Леопольд сможет отвлечь незнакомца еще ненадолго.

Мужчина смеется.

– Ты действительно думаешь, что я забуду лицо человека, который выгнал мою семью из собственного дома? Уверяю, Ваше Величество, я точно знаю, кто ты такой.

Виоли старается двигаться быстрее, ее пальцы судорожно берутся с ремешком. Теперь ей видится куда более вероятным, что мужчина выстрелит – жажда мести окажется важнее награды, которую дали бы за живого Леопольда. Она оглядывает палубу, но поблизости больше никого нет. Должно быть, пока они с Леопольдом разговаривали, ночная смена ушла спать, а дневная команда еще не вышла на палубу.

– Я никогда не... – начинает Леопольд, но обрывается на полуслове. – Ты жил в той деревне. Хебблсли.

– Хевелсли, – шипит Виоли. Хевелсли – так называлась деревня, которую Леопольд велел снести, чтобы построить новый охотничий домик. Виоли помнит, потому что это случилось сразу после того, как она только прибыла во дворец, и ее первое зашифрованное письмо императрице Маргаро было именно про этот случай.

– Хевелсли, – исправляется Леопольд. – Мне жаль, правда жаль. Этому нет никакого оправдания. Мне сказали, что там почти не было людей, а остальные согласились переехать за

щедрую компенсацию. Но это была ложь, так ведь? – спрашивает он.

Виоли удивлена, что его голос звучит так спокойно, даже когда на него наставлен пистолет. Она не думала, что избалованный король способен на такую храбрость. Сжимая пальцы вокруг ножа, она выпрямляется. У нее всего один бросок – один шанс попасть в человека, направившего на них пистолет. Шансы невелики, а учитывая, как плохо она себя чувствует, они близятся к нулю. Нож кажется невероятно тяжелым, и она не представляет, где найти силы на бросок.

– Ложь, – говорит мужчина, фыркая. Его рука дрожит, но Виоли не находит этот факт утешительным. Он эмоционален – значит, нестабилен. Его поведение непредсказуемо, и в этом нет ничего хорошего.

– Нам не дали никаких денег. Мою семью и всех наших соседей выгнали на улицу, отвезли в Кавелле и бросили на произвол судьбы. Я взялся за эту звездами забытую работу, потому что другой не нашлось. Сомневаюсь, что мои дети проживут достаточно долго, чтобы дождаться моего возвращения.

Виоли крепче сжимает нож и собирается с духом. Она представляет бросок, который ей нужно сделать, и выбирает, куда нанести удар.

– Мне жаль, – снова говорит Леопольд, и Виоли понимает, что он искренен. Понимает, что при других обстоятельствах он мог бы просто позволить этому человеку застрелить себя.

Но Виоли дала Софронии обещание защищать Леопольда, и она намерена сдержать свое слово. Даже если ей придется защищать его от него самого.

Она бросает нож изо всех своих сил, и, замерев, они с Леопольдом наблюдают, как лезвие вонзается в горло мужчины. Он падает на палубу и роняет пистолет с таким грохотом, что слышится эхо. К счастью, пистолет не выстреливает. Мужчина умирает быстро и тихо, как и планировала Виоли.

Леопольд падает рядом с ним на колени. Крик застревает у него в горле. Он вытаскивает нож из шеи мужчины и пытается своими руками остановить кровь.

– Он собирался тебя убить, Леопольд, – говорит Виоли ровным голосом.

– И вместо этого ты решила убить его? – спрашивает Леопольд, оглядываясь на нее через плечо с застывшим в глазах ужасом. Виоли старается убедить себя, что ей нет дела до этого взгляда. Она повторяет себе, что чем раньше он поймет, кто она такая и на что способна, тем лучше.

– Если бы я ударила его по руке и заставила бросить пистолет, что произошло бы потом? – спрашивает она Леопольда, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, ведь с минуты на минуту команда закончит завтракать и поднимется на палубу.

– Он бы рассказал капитану и всем остальным, кто я такой, – отвечает Леопольд хриплым голосом.

– Они бы пошли на все, чтобы доставить тебя обратно в

Темарин и получить награду, – говорит Виоли, кивая. – Я не могла позволить им сделать это. Был только один верный способ решить проблему, и я им воспользовалась.

– Ты убила его, – снова говорит Леопольд, поворачиваясь к мужчине. – Он имел право злиться на меня. Имел прямо отомстить мне. Ты должна была...

Он замолкает.

– Я должна была что? – спрашивает Виоли, потому что ей нужно, чтобы он понял, что у этой ситуации не было шанса на хороший исход. Все хорошее они оставили позади еще в тот день, когда увидели казнь Софронии.

– Если ты хочешь стать мучеником, это твое дело, Леопольд. Но сейчас мы с тобой в одной связке. Если тебя поймут, то меня казнят следом. Я не собираюсь становиться мученицей ради того, чтобы облегчить твою вину.

Он не отвечает, но на палубе так тихо, что она слышит, как он сглатывает. Наконец, он поднимается на ноги и поднимает тело мужчины на руки. С отсутствующим выражением лица он подносит тело к краю палубы и выбрасывает его за борт. Они слушают, как тело ударяется о воду с всплеском, едва слышным за шумом волн, разбивающихся о корпус корабля.

Виоли поворачивается к тому месту, где остался кровавый след. Она наклоняется, чтобы забрать свой нож.

– Нам нужно ведро воды, и быстро, – говорит она Леопольду. – Похмелье у них или нет, моряки все равно скоро поднимутся.

Леопольд кивает. Лицо у него все еще пепельно-серое, но он уже начал приходить в себя.

– А что будет, когда они заметят пропажу одного из своих? – спрашивает он.

Виоли качает головой.

– Очевидно, он выпил слишком много эля и упал за борт, – говорит она. – Давай не будем давать им повода искать менее правдоподобное объяснение.

Он быстро кивает.

– Я видел ведро и швабру на камбузе, – говорит он ей, разворачиваясь, чтобы уйти.

– Леопольд, – зовет она мягким голосом. Но, когда он оборачивается, Виоли не может найти подходящих слов. Она открывает рот, но тут же закрывает его.

– Я... – начинает она, но не может сказать ему, что это не его вина. Все же он не невинен. Сознательно или нет, но он сделал выбор, который разрушил жизнь этого человека. Виоли тоже сделала свой выбор, положив всему этому конец.

– У нас не было выбора, – говорит она, и это, по крайней мере, правда.

Беатрис

Беатрис даже не замечает, что карета въехала в Бессемию, пока Найджелус не говорит ей об этом. Нет никаких знаков, обозначающих границу, никаких отличий в ландшафте, никаких изменений в воздухе – ничего, что могло бы приветствовать ее возвращение домой. *Дом.* Она не ожидала, что вернется сюда в ближайшие несколько месяцев, и всегда представляла, что путешествие будет наполнено триумфом и волнением и что она воссоединится со своими сестрами.

Но сейчас ее сестер в Бессемии нет, и ее возвращение сложно назвать триумфальным. Единственное, чего она могла бы с нетерпением ждать, – это воссоединения с матерью, которая желает ей смерти, и новых тренировок с эмпиреем, которому она не доверяет. Ну, ее хотя бы ждет удобная кровать. По крайней мере, эта мысль искренне радуется Беатрис.

– Паскалю и Эмброузу небезопасно ехать с нами, – говорит девушка, когда они въезжают в Немарийский лес – то самое место, где она в последний раз видела Софронию и Дафну. Она помнит Софронию такой, какой видела ее тогда. Одета в желтое платье с оборками, она сидела среди незнакомцев в открытой карете и, кажется, выглядела испуганной. Беатрис задергивает занавеску у своего окна и поворачивается к Найджелусу:

– Уверена, что ты сможешь найти для них безопасное жи-

лице. И это не вопрос.

– Тебе ехать тоже небезопасно, – отмечает Паскаль. – Если ты не забыла, твоя мать хочет твоей смерти.

– На селларианской земле, руками селларианцев, – говорит Найджелус. – Иначе желание не сработает.

Когда Беатрис, Паскаль и Эмброуз разом поворачиваются к нему, он хмурится.

– Я об этом не упомянул?

– Именно, – говорит Беатрис.

Эта новость заставляет ее почувствовать себя немного лучше, хотя, конечно, нет никаких гарантий, что мать не захочет ей навредить. Например, заковать в цепи, чтобы доставить обратно к Николо, у которого теперь не будет иного выхода, кроме как ее убить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.